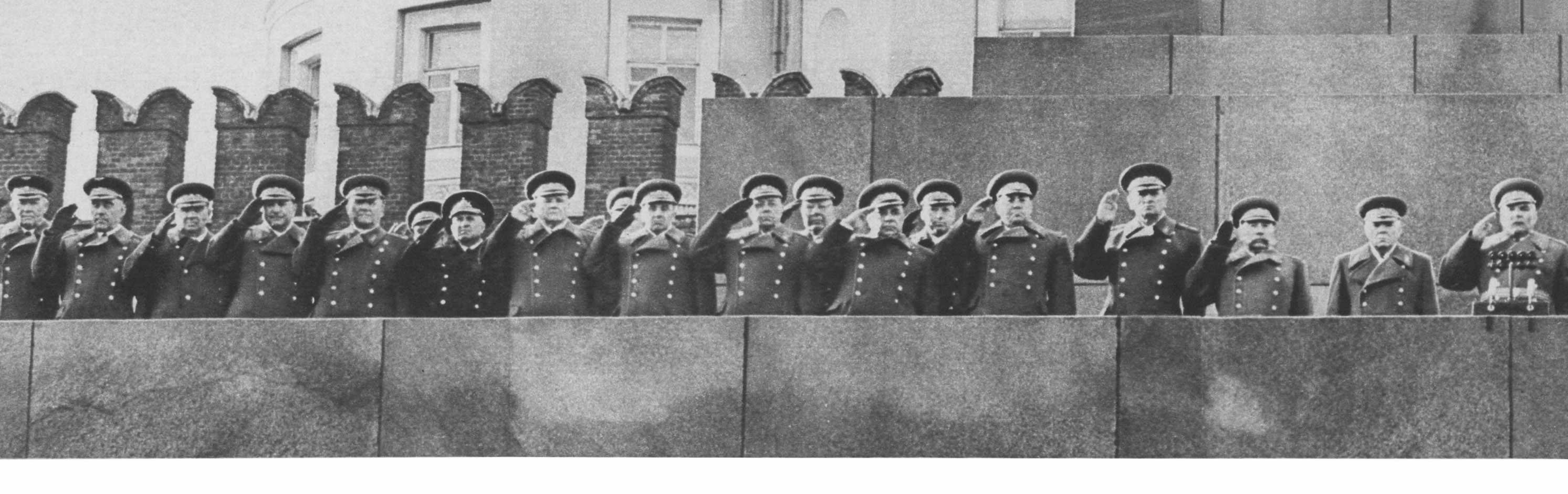
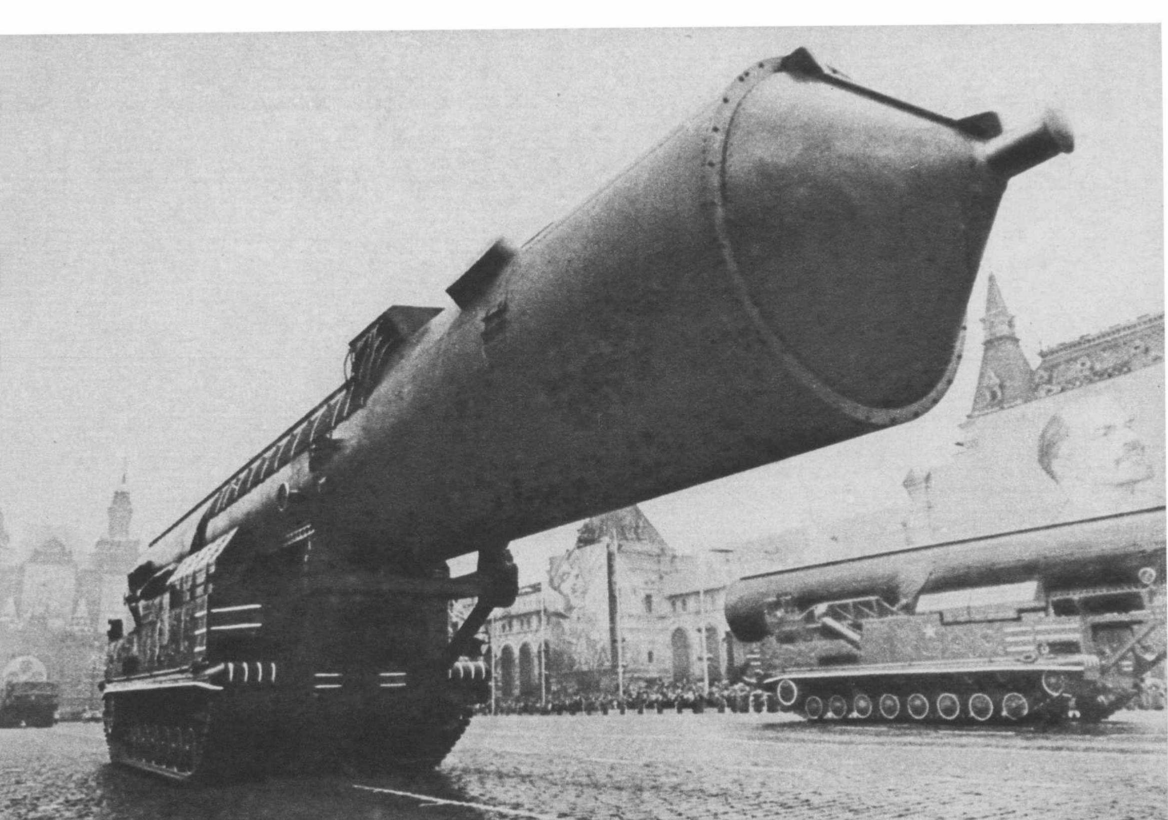
ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
43-й год издания
№ 46 (2003)
14 НОЯБРЯ 1965
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛЕНИНСКАЯ
ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ!

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,
7 НОЯБРЯ 1965 ГОДА

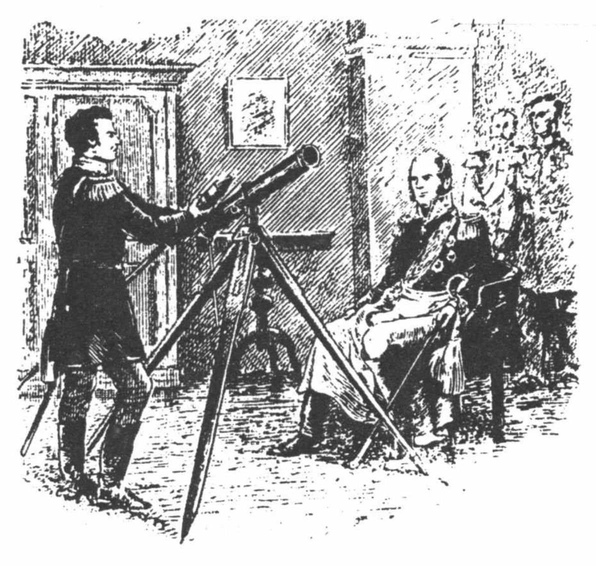


МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩ



АДЬ, 7 НОЯБРЯ 1965 ГОДА

Праздничный репортаж вели фотокорреспонденты «Огонька» Дм. Бальтерманц, А. Бочинин, А. Гостев, Ю. Кривоносов, Б. Кузьмин, М. Савин.



А. Д. Засядко докладывает об устройстве боевой ракеты военному министру Барклаю де Толли.

РОДИНА РАКЕТНОГО ОРУЖИЯ

Маршал артиллерии К. КАЗАКОВ

Ракетная команда Пестича ведет огонь. Севастополь, 1854 год.

В последнее время на Западе в военной и художественной литературе часто выступают военные специалисты и некоторые ученые с утверждением, что им принадлежит приоритет в изобретении ракетного оружия.

Мне хочется, как специалисту-ракетчику и артиллеристу, напомнить некоторые исторические факты, разоблачающие подобные утверждения.

В России ракетная техника прошла длительный, трудный и вместе с тем славный путь развития: от первых осветительных и зажигательных до самых мощных современных баллистических ракет, способных выводить в космос межпланетные корабли.

Об устройстве и применении осветительных и зажигательных ракет в России впервые стало известно из знаменитого труда Онисима Михайлова, написанного им в 1607—1621 годах.

В 1680 году в Москве было основано «Ракетное заведение», где сначала изготовлялись фейерверочные, а затем специальные ракеты. В 1717 году на вооружение русской армии была принята осветительная ракета с высокими по тому времени тактико-техническими данными.

С развитием промышленного производства, науки и техники в XIX веке происходит дальнейшее совершенствование ракетного дела в России. В этот период ракеты стали применяться уже в качестве средства фугасного и осколочного действия, что явилось большим шагом вперед.

Важный вклад в создание боевых ракет в России внес талантливый артиллерист, участник Отечественной войны 1812 года генерал Александр Дмитриевич Засядко. Он сконструировал ракетное боевое оружие 2-, 2,5- и 4-дюймового калибра с дальностью стрельбы 1 600—2 700 метров.

По инициативе генерала Засядко в 1827 году была сформирована первая русская ракетная батарея, представлявшая собой самостоятельное боевое подразделение, на вооружении которого состояло: шесть шеститрубных станков, шесть тренажных станков, кроме того, существовали ракеты 6- и 20-фунтовые. Они получили боевое крещение на Кавказе, более широко они применялись в операциях русско-турецкой войны 1828—1829 годов, в частности при осаде крепости Варна.

Замечательный вклад внес в развитие полевой ракетной артиллерии выдающийся ученый и конструктор боевых ракет генерал-лейтенант Константин Иванович Константинов. Созданные им боевые ракеты с дальностью стрельбы до 4 150 метров с большим успехом применялись в Крымской войне 1853—1856 годов. Однако эти ракеты, конечно, существенно отличались от современного оружия.

«Ракеты... есть оружие, могущее быть полезным в военном деле даже в своем нынешнем состоянии и сверх того надлежащее усовершенствованиям, которые призовут его оказать высокие заслуги военной силе нашего Отечества»,— писал в труде «О боевых ракетах» генерал К. И. Константинов.

На рубеже XIX и XX веков теоретической разработкой вопросов, связанных с полетом ракет, занимались профессор Московского университета И. В. Мещерский и основоположник русской авиационной школы Н. Е. Жуковский. Неоценимый вклад в развитие теории ракетостроения и ракетного движения для полета человека в космос внес выдающийся ученый и изобретатель Константин Эдуардович Циолковский.

Коммунистическая партия и Советское правительство, Владимир Ильич Ленин еще в годы начала восстановления народного хозяйства страны много внимания уделяли развитию ракетного дела. Постановлением СНК от 9 ноября 1921 года К. Э. Циолковскому устанавливается постоянная материальная помощь. В 1934 году с целью усиления обороноспособности страны все коллективы ракетного вооружения были объединены в научно-исследовательский центр — Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ) с подчинением его Народному комиссариату боеприпасов. А к началу войны было уже изготовлено одиннадцать «катюш»— мощных ракетных установок, наводивших ужас на немцев. 21 июня 1941 года, то есть за день до нападения фашистской Германии на Советскую страну, было принято решение о серийном производстве «катюш».

Первое подразделение полевой реактивной артиллерии — отдельная батарея реактивных установок БМ-13 «катюша» — было сформировано к 4 июля 1941 года и сразу же направлено на фронт.

В 15 часов 30 минут 14 июля 1941 года произошло первое боевое крещение БМ-13. По команде слушателя Артиллерийской академии капитана Ивана Андреевича Флерова батарея обрушила на фашистов, занявших Центральную железнодорожную станцию Орша, мощный огневой залп советских ракет. Район обстрела был окутан огнем и дымом. Уцелевшие фашисты в страшной панике бежали.

В ходе тяжелых оборонительных боев под Смоленском, Ярцевом, Ельней и Рославлем батарея И. А. Флерова своими огневыми ударами нанесла противнику значительные потери.

2 августа 1941 года еще более мощные огневые ракетные удары под Ельней нанес по врагу 42-й отдельный дивизион реактивной артиллерии.

Ракетная полевая артиллерия, или, как условно ее именовали, гвардейские минометы, в годы Великой Отечественной войны нашла широкое применение. Достаточно вспомнить, что в Сталинградской битве участвовало около 1 300 боевых установок типа БМ-13 и М-30.

В наши дни советская артиллерия непрерывно вооружается новой, более совершенной техникой, в том числе и мощными ракетами. Созданы ракетные войска стратегического назначения. Именно в нашей стране была сконструирована ракета, которая вывела на орбиту первый космический корабль с Юрием Гагариным на борту. Мне кажется, трудно опровергнуть эти исторические факты, подтверждающие, что наша страна была первой в создании всех видов и типов ракет.

НАДЕЖНЫЙ ЩИТ СТРАНЫ

Генерал-лейтенант артиллерии Г. ПЕРЕДЕЛЬСКИЙ

Когда советские люди слушают сообщения ТАСС о полете соотечественников в космос или о запуске межпланетной научно-исследовательской станции, они невольно связывают эти события с большими достижениями нашей Родины в развитии ракетной техники.

Наш народ является поистине властелином лучших, самых современных ракет в мире. Ему принадлежит первенство в полете человека в космос, в групповом полете и выходе человека из космического корабля, в облете и фотографировании обратной, невидимой стороны Луны. Ныне советские спутники Земли бороздят просторы Вселенной, обогащая науку все новыми и новыми данными.

Наша партия, ее Центральный Комитет и Советское правительство делают все для того, чтобы великие достижения советской науки в области ракетной техники были использованы на благо нашего народа и всего прогрессивного человечества.

Но роль ракет далеко не ограничивается только изучением и освоением космического пространства. Ракеты имеют большое оборонное значение для нашего государства и стран всего социалистического содружества.

В результате огромных технических достижений, небывалого развития науки нашему народу стало по плечу создание более совершенных ракет, чем реактивные установки периода Великой Отечественной войны. Гений советского народа, руководимого Коммунистической партией, воплотил в жизнь выдающиеся научные открытия нашего замечательного ученого К. Э. Циолковского.

Современная обстановка показывает, что в мире и поныне имеются силы, которые жаждут новой мировой войны. Главный оплот этих сил составляют империализм США и боннский реваншизм. С момента окончания прошедшей войны и до наших дней империалисты США подогревают международную напряженность.

В последние годы они стали на путь открытой войны против свободолюбивого вьетнамского народа. Попирая международные права, Соединенные Штаты используют в агрессивной войне против южновьетнамского народа отравляющие вещества. То, что не посмел сделать германский фашизм, делает сегодня американский империализм, угрожая всему прогрессивному человечеству.

Понятно, что в таких условиях наша партия, неустанно проводя ленинскую политику мира и мирного сосуществования между народами, вынуждена заботиться о дальнейшем укреплении наших Вооруженных Сил. «Советское государство,— говорится в Программе КПСС,— будет заботиться о том, чтобы его Вооруженные Силы были мощными, располагали самыми современными средствами защиты Родины — атомным и термоядерным оружием, ракетами всех радиусов действия, поддерживали на должной высоте все виды военной техники и оружия».

Сегодня мы являемся свидетелями небывалого роста могущества наших Вооруженных Сил, дальнейшего укрепления обороноспособности нашего государства и всего социалистического лагеря.

Ракеты прочно вошли во все рода войск и виды Вооруженных Сил и стали их основной огневой ударной силой. Был создан новый вид Вооруженных Сил — ракетные войска стратегического назначения. Прошло то время, когда американские агрессоры могли угрожать нам ракетными и авиационными ударами с баз, расположенных вокруг СССР, считая недосягаемой свою территорию.

Ежегодные военные парады, проводимые на Красной площади в Москве, убедительно показывают, что наше государство располагает целым арсеналом ракет различных классов и назначений с дальностями действия от десятков до сотен и тысяч километров.

Подтверждением этому является сообщение ТАСС от 13 октября 1965 года об успешном проведении пусков новых вариантов ракет-носителей космических объектов в район акваторий Тихого океана.

Несмотря на развитие авиации, достигшей высокого совершенства, ракеты считаются основным носителем ядерного оружия. И это не случайно. Они могут преодолеть огромное пространство в кратчайшее время. Стратегические межконтинентальные ракеты развивают скорость до 26—27 тысяч километров в час, тогда как скорость самолетов немногим превосходит две с половиной тысячи. Обладая огромной скоростью полета и большой высотой — 1 200—1 600 километров и более,— ракетно-ядерное оружие является малоуязвимым.

Второе важное свойство ракет — большой радиус действий, независимость от метеорологических условий и условий видимости. Это позволяет применять их практически в любых условиях.

У ракетно-ядерного оружия огромная поражающая сила. Например, ракетно-ядерный боеприпас, эквивалентный одному миллиону тонн тротила, только взрывной волной произведет такие разрушения, которые способны совершить 15 тысяч стратегических бомбардировщиков при прицельном бомбометании фугасными бомбами.

Известно, как велика была мощь огня советской артиллерии в годы Великой Отечественной войны. Однако и она не может идти ни в какое сравнение с мощью ракет. За всю войну наша промышленность произвела более 775 миллионов снарядов и мин, мощность которых по тому же эквиваленту уступает одной ракете с термоядерным зарядом, и притом далеко не самым большим.

Новая мировая война, если ее развяжут империалисты, по оценке политических деятелей и военных специалистов, будет термоядерной войной, в которой ракетно-ядерное оружие найдет самое широкое применение. Вот почему борьба за предотвращение войны сейчас главная задача всего прогрессивного человечества.

С появлением ракетно-ядерного оружия связывают революцию в военном деле. Действительно, это оружие изменило военно-техническую базу вооруженных сил и оказало революционизирующее влияние на формы и методы ведения вооруженной борьбы. Это влияние подчинено определенным закономерностям, важнейшая из которых: только массовое количество нового оружия, способное привести к совершенно иному качеству при его применении, ведет к смене способов ведения вооруженной борьбы.

США сбросили в конце войны на японские города Хиросиму и Нагасаки две атомные бомбы, однако не они оказали решающее влияние на исход войны. Такое малое количество атомных бомб не могло изменить способа ведения войны.

Теперь положение изменилось. Министр обороны Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский на XXII съезде КПСС приводил данные правительственных органов США об уязвимости их территории для ядерного оружия. Американцы считают, что по важнейшим объектам США может быть произведено 263 термоядерных удара со средним тротиловым эквивалентом около 5 миллионов тонн каждый, в результате будет разрушено 132 крупных военных объекта, много промышленных предприятий, а также 71 крупный город. Общие потери только убитыми составят 53 миллиона человек.

Таким образом, американские правительственные органы признают, что ядерное оружие, примененное массированно, способно самостоятельно в короткие сроки решать крупные задачи войны.

Сейчас изменилась структура вооруженных сил, претерпели коренные изменения стратегия, тактика и военное искусство в целом. В прошлых войнах разгром противника на сухопутном театре достигался прежде всего наступающими войсками. Огневые средства, в том числе и артиллерия, решали главным образом задачи поддержки наступающих войск. Не исключено, что при ведении боевых действий в современных условиях основные задачи по уничтожению противника будут решаться ракетно-ядерным оружием, а суть наступательных действий соединений и частей сведется к тому, чтобы, умело и своевременно используя результаты ядерных ударов, завершить его разгром в кратчайшие сроки.

В условиях применения ракетно-ядерного оружия увеличивается пространственный размах операций и боев, а также стремительность действий войск, о чем свидетельствуют результаты учений войск стран Варшавского договора, проведенных в 1965 году.

Большая роль ракет в военном деле ни в коем случае не умаляет в современных условиях значения средств поражения, таких, например, как артиллерия или танки.

19 ноября, в день, когда советские войска перешли в контрнаступление под Сталинградом, советский народ и его Вооруженные Силы отмечают День ракетных войск и артиллерии. В этот день стало традицией подводить итоги достигнутых результатов и брать новые социалистические обязательства по дальнейшему повышению уровня боевой и политической подготовки и боевой готовности ракетных и артиллерийских соединений и частей.

Ракетчики и артиллеристы с гордостью рапортуют, что они полностью выполнили социалистические обязательства и обязуются трудиться так, чтобы и впредь ракетные войска и артиллерия с честью решали любые задачи, которые ставит перед ними Родина.

СЕГОДНЯ

Репортаж из дежурной машины ОРУД ГАИ ведут корреспонденты «Огонька» О. КУПРИН и Д. УХТОМСКИЙ.

Сегодня мы дежурим вместе с капитаном милиции Николаем Сергеевичем Аксеновым. Не торопясь, едем по Ленинскому проспекту. Машин мало, время спокойное — полдень. Включена рация. Слышим, как какая-то «Нева» просит разрешения у какой-то «Рузы» пойти пообедать.

Но вдруг...

— Всем постам... Запишите номер угнанного «Москвича»...

Вот тебе и спокойное время! Аксенов записывает номер на листочке бумаги, мы — в свои блокноты. Эх, поймать бы! Броситься в погоню...

Мимо стрелой проносится такси. Спешит. Слишком спешит.

— Сейчас проверим, с какой скоростью идет,— говорит Аксенов.— А нас он, между прочим, не узнал.

Узнать нас, честно говоря, мудрено. Машина наша необычная, над крышей нет знакомых каждому горожанину «ушей»-рупоров, они спрятаны в капоте. Не все шоферы знают о такой коварной новинке.

Аксенов нажимает на газ, стрелка спидометра доползает до «60», но такси уходит все дальше и дальше.

— Превышение скорости,— комментирует Николай Сергеевич,— семьдесят километров в час.

Берет микрофон.

— Водитель такси номер...

Из кабины выглядывает удивленная физиономия шофера, глаза шарят по крыше нашей «Волги» — где же эти окаянные рупоры?

Таксист не идет, а бежит к нам. Диалог весьма лаконичен.

— Превышали?
— Превышал.
— Документы.
— Пожалуйста.
— Не знаете правил?
— Как можно, товарищ капитан! Но пассажиры опаздывают на самолет. Оштрафуйте на рубль. Разве я возражаю!

Пассажиры тут же. Показывают билеты — точно, опаздывают...

Таксист отделывается замечанием и катит дальше.

Он, наверное, удивлен: попадаются же такие великодушные инспектора! Пассажирам — мы это слышали не раз — шоферы обычно рисуют образ автоинспектора в черных красках. И это вполне естественно, потому что шоферы знакомятся со стражами уличного движения, как правило, в весьма неприятных ситуациях. Не станет же инспектор останавливать водителя только для того, чтобы осведомить-

---

РАЗДУМЬЯ В КОНЦЕ ГОДА

Василий ШЕПА,
председатель колхоза

Более двенадцати лет я возглавляю правление колхоза «Красное знамя». И вот впервые берусь за перо, чтобы поделиться некоторыми мыслями по поводу дальнейшего развития нашего сельского хозяйства. Особенно остро сейчас стоят вопросы экономики и организации труда.

Если человек заболел, он идет к врачу. Врач обследует больного и ставит диагноз. Диагноз — самое трудное, самое главное. Если врач не в состоянии поставить диагноз сам, он консультируется с коллегами, созывает консилиум. И только после того, как специалисты придут к общему мнению, установят верный диагноз, назначается лечение, даются рецепты. К сожалению, в сельском хозяйстве это делается, мягко говоря, немножко проще. Иногда для решения очень сложных вопросов рецепты выписывают с ходу, причем автором рецепта может быть и неспециалист. Не удивительно, что и «диагноз» и «лечение» нередко оставляют желать лучшего.

Я коснусь одного вопроса — взаимоотношений колхоза с «Сельхозтехникой».

Мы все в деревне были рады тому, что кончилось двоевластие на земле, что хозяева земли стали и хозяевами техники, без которой в наше время нельзя ни обработать землю, ни вырастить и собрать урожай. Причем не секрет, что колхозы тогда купили всякую технику — новую и подержанную, добитую и недобитую... Техника перекочевала в колхозы, а средства ее ремонта и база ремонта остались по-прежнему в других руках. Спросите любого инженера: можно ли содержать большой тракторный и одновременно автомобильный парк без оборудованных мастерских? Я не инженер, я руководитель большого крепкого хозяйства, экономист, и отвечаю: нет, нельзя. Наш колхоз за десять лет не получил ни одного токарного, ни одного сверлильного станка. У нас много машин, но нет даже скромных механических мастерских. Я понимаю, всякая концентрация экономически выгодна. Колхозу предлагают все машины, все механизмы ремонтировать в «Сельхозтехнике». Это неплохо, но мы убедились, что это не всегда целесообразно и не всегда выгодно колхозу. Да, для капитального ремонта пока там лучше условия. И мастерские оборудованы, и стенды испытания есть. Но, кроме капитального, существуют и другие виды ремонта, есть просто нужда устранить поломку прямо в поле, а то и не выезжая из гаража. Как быть в таких случаях?

Давайте посмотрим, как все это выглядит на практике. «Сельхозтехника» — хозрасчетная производственная единица, районная контора должна вести свое хозяйство без убытков. Дотации «Сельхозтехнике» никто не дает. Поэтому ее контора вынуждена строить свою работу так, чтобы избежать убытков. Поскольку у нас нет своих оборудованных мастерских, мы полностью зависим от райконторы «Сельхозтехники». В любом случае. Произошла в поле поломка — оборвался болт или еще что-нибудь — поезжай в райцентр. Будь в хозяйстве сверлильный станок, эту неисправность можно устранить за считанные минуты, но станка нет. Мы вынуждены снимать с работы машину и людей, посылать механизатора за двадцать километров в райцентр, чтобы сделать болт или ось. Но такое может случиться и после пяти часов дня, когда в мастерской «Сельхозтехники» остается только один дежурный слесарь. Такие же технические неисправности могут быть в тот день и в тот же час в других колхозах. И вот вам простой — часами стоит трактор на посевной или комбайн на уборочной... Большие потери не только во времени; колхоз несет материальные убытки, это главное!

Возьмем другой пример — отправляем трактор на капитальный ремонт. Как правило, трактор разбирается, составляется дефектный акт. Тут уж, кажется, «Сельхозтехнике» и карты в руки. Однако нередки случаи, когда трактор после капитального ремонта не может дойти до усадьбы колхоза без ремонта. Что это — просто ли недобросовестность или результат глубокой экономической незаинтересованности? Чтобы этого не было, мы направляем с трактором своего тракториста в мастерскую.

МЫ ДЕЖУРИМ

ся о здоровье или пожелать доброго утра. А в строгости не всякий умеет почувствовать заботу и доброе беспокойство, угадать в суровом блюстителе порядка симпатичного и веселого человека.

Мы едем дальше. По Ленинскому проспекту, по Садовому кольцу, по улице Горького. Рация постоянно держит нас в курсе всех уличных событий.

Сотни коллег нашего спутника сейчас на посту. Посты эти очень разные. Одни непосредственно на улицах. Регулировщики на напряженных перекрестках, автоинспектора в машинах и верхом на мотоциклах. Другие под крышами. Под крышей Института генплана Москвы обсуждают с проектировщиками порядок уличного движения на улицах, которые вырастут года через два или которые уже существуют несколько столетий. Под крышами школ проводят беседы с семилетними пешеходами. Дел не перечесть.

Наше дежурство подходит к концу. Угнанного «Москвича» нашли без нас.

Прав ни у кого мы не отобрали. Штрафовать штрафовали, вели душеспасительные беседы, советовали, учили — в общем, сделали массу маленьких добрых и очень полезных дел. И прониклись уважением и симпатией к нашему спутнику Николаю Сергеевичу Аксенову и его коллегам.

На трассе полный порядок.

●

Самый уважаемый транспорт.

●

Второклассники и дядя Володя из ГАИ.

Кто больше заинтересован в качестве ремонта? Технический персонал конторы или тракторист, который прекрасно знает, что без трактора ни колхоз не управится, ни он, как говорится, куска хлеба не заработает? Конечно, тракторист. Но вот какая беда — наших трактористов до капитального ремонта не допускают. А почему? Почему бы не использовать квалификацию колхозных механизаторов, почему нельзя оплачивать их труд по существующим в «Сельхозтехнике» расценкам? Не потому ли, что конторе нежелательны высокие требования заинтересованных людей?

В нашей печати писалось о комплексном обслуживании колхозов «Сельхозтехникой». Такие примеры есть и в нашей области. Что можно сказать об этом? Я думаю, это — половинчатое решение проблемы. А может, тут ищут компромисса МТСовские кадры, у которых не высохли еще слезы по бывшим МТС. Я не вижу здесь ни морального, ни материального стимула.

Мы, председатели колхозов, тоже за то, чтобы капитальный ремонт выполнялся в хорошо оборудованных мастерских и чтобы выполнялся он высококвалифицированными людьми. Если мотор или ходовая часть через неделю-две после капитального ремонта выходят из строя, значит, ремонт этот был явно недоброкачественным, и отвечать за него должна материально «Сельхозтехника». Думается, что на базе существующих ее контор нужно организовать ремонтные заводы. Кроме того, каждый колхоз должен получить возможность в своем хозяйстве проводить технические уходы, а также средние ремонты тракторов, комбайнов и другой техники. Это даст большую хозяйственную и экономическую выгоду, положительно скажется на сельскохозяйственном производстве. Сделать это надо, потому что «Сельхозтехника» плохо выполняет функции ремонтной базы колхозной техники.

Что еще очень мешает в бесперебойной работе автотракторного парка? По-прежнему плохо с запасными частями. Начинаем убирать хлеб, а такую мелочь, как зуб для хедера, достать очень трудно. В нашем колхозе уже второй год стоят два трактора: нет резины. На всех колесных тракторах отсутствуют аккумуляторы, а если каждое утро таскать тракторы на буксире, то можно полагать, что скоро они все останутся без резины. Из-за нехватки запасных частей ежегодно стоят один-два трактора. Вот они, убытки!

Торговлей запчастями тоже занимается «Сельхозтехника». Я считаю, что тут большая неувязка: коммерцию надо отделить от ремонта и технического обслуживания.

За последнее время чувствуется перепроизводство одних и недостача других машин, поэтому нам нередко продают то, чего нам не надо. Так случалось когда-то у нас в Закарпатье, когда сахар продавали лишь в компании с селедкой. Сейчас нам предлагают: берите кукурузоуборочный комбайн марки «ККХ-3», в противном случае не дадим вам дефицитных товаров. Таких машин, как культиваторы, туковые сеялки, дисковые бороны, явно не хватает, это дефицит. Разве не ясно, что перепроизводство одних машин и недостаток других нужно регулировать заявками колхозов? В этих заявках — картина реальной обеспеченности колхозов. Колхоз нуждается в одном, а его заставляют покупать другое, лишь бы выручить промышленность, наштамповавшую ненужные или негодные машины. Но колхозники не хотят оплачивать из своего кармана плоды плохого планирования.

Такое же положение с минеральными удобрениями. Они тоже поступают на базы «Сельхозтехники». Затем удобрения распределяют по колхозам — без учета того, сколько хозяйство продает хлеба государству, сколько у него пахотной земли, какой состав почв. Контора «Сельхозтехники» своими автомашинами доставляет удобрения в колхозы — хочешь не хочешь, а бери, плати денежки. Надо бы экономистам подсчитать, во что обходятся государству и колхозам эти непродуманные рейсы, а также лишняя погрузка и разгрузка, лишняя бумажная волокита, о которой столько разговоров.

Связь между машиностроительными, ремонтными заводами и колхозами должна быть простой, прямой. Сейчас «Сельхозтехника» превратилась в перевалочную базу, а это значит, что колхоз платит еще и накладные расходы. Например, у нас в 1964 году при расчете с Береговской райконторой «Сельхозтехники» накладные составили треть всех расходов! Если эту цифру выразить в союзном масштабе, так это ж колоссальные деньги!

Лучше было бы, если б колхозы на паевых взносах организовали межколхозные тракторно-ремонтные заводы. И с плеч государства будет снята обуза, и мы будем иметь надежное место ремонта своей техники. Руководители таких заводов будут зависимы от колхозов, а все проблемы получат разрешение на межколхозных советах.

При этом нужно на высоком уровне поставить гостехнадзор и госинспекцию, так, как это сделано в автотранспорте.

Вот о чем хотелось мне поговорить в конце сельскохозяйственного года, думая о будущем нашего колхоза. Вот какие мысли возникают, когда вдумываешься в решения мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК партии.

Береговский район,
Закарпатской области.

ПОЭЗИЯ ДОЛИН И ГОР

Зайндин **МУТАЛИБОВ**

Долг

Если брата
В трудный час когда-то
Защитил ты силою своей,
Не считай за подвиг помощь брату —
Этим ты не удивишь людей.

Если ты,
Примчавшись, словно пуля,
От беды сестру однажды спас,
Не хвались перед людьми в ауле:
Этим не растрогаешь ты нас.

Если ты
Душою чистой любишь
Мать, отца и тихий дом родной,
Не гордись: ведь всем известно людям,
Что любовь — лишь долг сыновний твой.

Если ж
Туча над страной нависнет,
В бой иди, как долг тебе велит.
Все отдай во имя нашей жизни
И с врагом сражайся, как джигит.

Если же в огне жестоких схваток
Ты пройдешь героем,—
сам народ
Долг, исполненный тобою свято,
Подвигом бессмертным назовет.

Перевел с чеченского
Борис КАУРОВ.

●

Джемалдин **ЯНДИЕВ**

Памятник

Есть в горах
на утесе черном
Белый памятник рукотворный.
Ветер точит его,
солнце жжет,
Но стоит он,
не устает.
Бéгу времени наперекор
Он стоит один
среди гор.
Кто был тот,
кто его заслужил?
Воевал ли он
или мирно жил?
Богатырь он был
или был поэт,
И сказаний
об этом нет.
Чья тоскующая рука
Камень высекла на века,
Неизвестно,
но ясно от века:
Человек тут почтил человека.
Но одно указанье взвесь:
Здесь родник серебристый есть,
Он готов напоить
весь свет,—
Значит, тут похоронен
поэт.

Перевел с ингушского
Николай АСАНОВ.

●

Хамзат **ОСМИЕВ**

Счастье человека

Счастье, нет, ты не льешься,
Как с неба
Живительный дождь,
Не растешь,
Как бурьян у глухого забора,
И в пыли, как подкову,
Тебя не найдешь,
И не ловишься ты,
Как сазан остроперый.
Лишь в ладонях
Искать тебя надобно,
Счастье, всегда,
Потому что
Куют тебя руки людские.
Жить — вот счастье,
Когда, не жалея труда,
Мы народу несем
Свои силы живые.

Мир

Когда б из золота
Был горный кряж родной,
А травы на горах
Сплошь пряжей золотой,—
Мне счастья полного не принесло б и это.

Когда б любой ручей,
Рожденный ледником,
В долины побежал
Студеным молоком,—
Мне счастья полного не принесло б и это.

Когда б на стол с небес
К нам падали всегда
И сладкое питье
И сладкая еда, —
Мне счастья полного не принесло б и это.

Когда б и на бахчах,
И в поле, и в саду
Снимали урожай
Мы раза три в году,—
Мне счастья полного не принесло б и это.

Когда встречаю я
Смеющихся детей,
Людей, забывших боль
В огне горевших дней,—
То счастья полного мне не дает и это.

О люди, начеку
Всегда мы быть должны:
Ведь и того, что есть,
Мы будем лишены,
Коль выпустим войну гулять в просторах
света.

Сплотитесь, граждане
Больших и малых стран,
Забросьте навсегда
Оружье в океан,
И мирно пусть живет
Родимая планета!

Перевел с ингушского
Виктор ЩЕПОТЕВ.

«Кёр-Оглы»

Нефтепромыслы Апшерона. Вдоль берега сплошной лес нефтяных вышек, переплетенных в бесконечный железный узор и обрывающихся в море. За десятилетия существования нефтепромыслов тесно стало вышкам на берегу. Все дальше и дальше уходят они в море. Ученые доказали, что на новых морских площадях, особенно на глубинах до 100 метров, спрятаны огромные запасы нефти и газа. Но добыть их оттуда трудно. Капризный Каспий штормит большую часть года.

Помогли судостроители. По заказу нефтяников на заводе «Красное Сормово» было создано самое большое в мире двухкорпусное крановое судно — катамаран. За этим словом кроется интересное инженерное решение. Главный конструктор судна Виктор Евгеньевич Губанов рассказывает:

— У катамарана два 130-метровых корпуса, их построили в Горьком, а затем перегнали по Волге в Баку. Здесь, на участке Южной бухты, их соединили металлическим мостом. Площадь палубы получилась с хорошее футбольное поле. На этой площади размещается морское основание для буровой и все необходимое оборудование. Главный крюк крана одним махом может поднять 250 тонн металлоконструкций величиной с 5-этажный дом и опустить их осторожно на морское дно. У судна четыре винта, два спереди и два сзади, поэтому оно может вращаться на месте, двигаться боком. Малая осадка создает отличные мореходные качества.

Судя по первым отзывам, нефтяники довольны кораблемстроителем, а капитан Петр Васильевич Белокуров шутливо сожалеет:

— На этом судне поплаваешь — забудешь о качке.

На обоих корпусах катамарана огромными железными буквами написано: «Кёр-Оглы». Судно носит имя азербайджанского народного богатыря, подобного русскому Илье Муромцу. Богатырское судно помогали строить около пятисот предприятий страны. Череповец дал металл, московский завод «Динамо» — электрооборудование, Ижорский завод — шестерни и рулевые машины, Харьковский электромеханический завод — гребные электродвигатели.

В первый испытательный рейс катамаран уходил воскресным днем. Ученые, конструкторы, строители и нефтяники прощались с «сормовской республикой», как здесь все называли достроечный пирс в Южной бухте. Продолжительный густой бас гудка пронесся над Баку. Судно вышло в открытое море. Счастливого плавания, «Кёр-Оглы»!

Г. КОПОСОВ

Севернее острова Жилого, на Каспии, катамаран устанавливает морское основание для бурения в море. В н и з у: монтаж морского основания.

Фото Г. Копосова.

Экскурсия в мир водных и влаголюбивых растений тропиков и субтропиков.

Гигантская южноамериканская кувшинка Виктория-Круса.

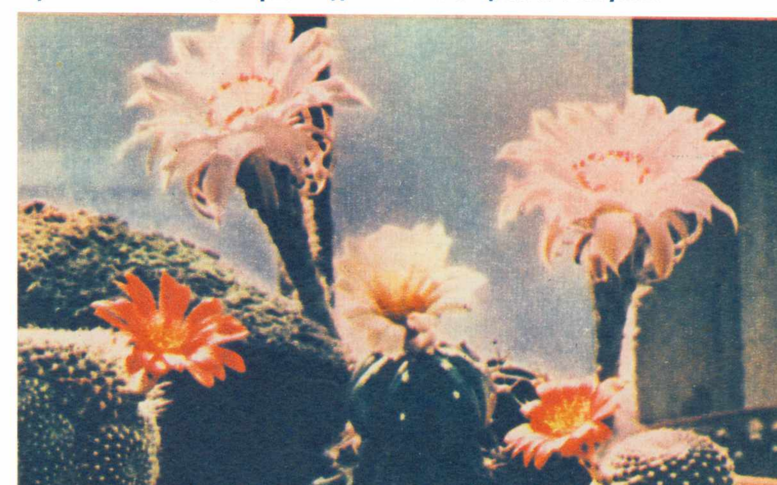
Уголок тропического леса.

Фото Б. Кузьмина.

Неповторимые по красоте и аромату каттлеи — тропические орхидеи.

Причудливо свисают на длинных черешках кувшинчики: это — насекомоядное растение непентес со своими ловчими аппаратами — кувшинчиками.

Яркими огоньками горят недолговечные цветки кактусов.



Многоцветным пятном вписан в Останкинский лесопарк Главный ботанический сад Академии наук СССР — крупный научный центр по изучению растительных богатств. Под сенью вековой дубравы на площади в 362 гектара разместились и акклиматизировались собранные со всего земного шара растения. Их здесь больше десяти тысяч видов — из африканских пустынь, тропических джунглей, субтропиков.

Тесно прижались к дубу, обвивая его стеблями, посланцы Уссурийского края — лианы актинидия и лимонник. Уже собраны коралловые плоды хорошо акклиматизировавшегося на московской земле дальневосточного женьшеня. Отцвели и уходят под снег жители Кавказа, Карпат, Алтая, Средней Азии. Искусственно созданные ландшафты воспроизводят природное богатство нескольких ботанико-географических районов нашей страны.

Много интересного можно увидеть в отделе культурных растений. Казалось бы, что особенного в обыкновенной капусте, помидорах, картофеле? Но здесь можно увидеть, какой путь прошли эти виды от диких предков до современных культурных форм и сортов.

Собраны с полей колхозов и совхозов Казахстана и Сибири урожаи новых сортов и форм пшенично-пырейных гибридов. А сорта эти родились здесь, в саду, в лаборатории отдаленной гибридизации, руководимой академиком Н. В. Цициным.

Обмолочены собранные с опытных полей новые, нигде в природе не встречающиеся формы пшениц: многолетняя, озимая ветвистая, многозерная, зернокормовая. За один сезон, например, зернокормовая форма способна давать и урожай зерна и урожай сена или три урожая сена. Причем в сене ее до 15 процентов белка, то есть столько же, сколько в зерне обычной пшеницы.

Все чаще промерзает почва, кружатся в воздухе снежинки. Готовится к зимнему покою гордость сада — розарий.

К 20 тысячам сортов мировой коллекции роз здесь сумели прибавить еще несколько новых. Сколько различных вариантов надо было получить, чтобы добиться такого тонкого оттенка утренней зари, как у розы «Утро Москвы»! «Аэлита», «Ракета», «Мотылек» и другие селекции научного сотрудника сада И. И. Штанько пополнили самую большую коллекцию роз в Советском Союзе, насчитывающую свыше 2 350 сортов. Много друзей у И. И. Штанько и его помощников в США, Англии, Франции, Голландии, и нет уголка в нашей стране, где бы не цвели розы, выращенные из черенков сада.

Под стеклянными сводами оранжереи, где царствуют тропические и субтропические растения — огромные пальмы, древовидные фикусы, папоротники с закрученными молодыми

Осенние краски

листьями, словно гигантские мохнатые улитки,— дерево дракона, которое живет много-много лет. Здесь собрано более 30 тысяч растений.

В дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве под звуки национальных инструментов Цейлона монахи в белых одеждах несли на голове раковину с саженцами священной смоковницы. Черенки для саженцев были взяты с дочернего экземпляра священного дерева Бо, под которым, по преданию, сидел Будда, размышляя о судьбах мира. Путешественники из далекой страны прекрасно растут на московской земле.

Поражает своей красотой гигантская южноамериканская кувшинка Виктория Круса. Когда опускаются сумерки, раскрываются волшебные белые цветы 30—40 сантиметров в диаметре. Каждый цветок живет не более 2—3 суток, закрываясь утром и снова распускаясь к вечеру. За это время меняется окраска цветка: на второй день лепестки розовеют, на третий становятся пурпурными. Закрывшийся цветок погружается в воду, где и созревают семена, похожие на крупные горошины.

На длинных изогнутых черешках свисают причудливые кувшинчики. Это — насекомоядное растение непентес. Яркой окраской и сахаристой жидкостью привлекает непентес насекомых. Но горе тому, кто попадется: жидкость эта растворяет тело насекомого, и от бедняги остаются только крылышки.

Круглый год благоухают орхидеи. Коллекция орхидей здесь редчайшая. Во влажных тропических лесах орхидеи растут на стволах и ветвях деревьев. В оранжерее сада субстратом им служит не земля, а корни папоротника осмунды.

Основанный в 1945 году в ознаменование 220-летия Академии наук СССР, Главный ботанический сад стал крупным научно-просветительным учреждением. В нем ведут большую работу доктора и кандидаты наук. Широко известны работы профессора К. Т. Сухорукова по иммунитету растений, биохимические работы профессора А. В. Благовещенского, эмбриологические — доктора биологических наук В. А. Поддубной-Арнольди. Выпущено в свет 9 томов «Трудов Главного ботанического сада», несколько монографий, выпуски «Бюллетеня ГБС», в котором печатаются материалы сотрудников сада и работников других научных учреждений страны.

Т. БУЧ,
научный сотрудник Главного ботанического сада АН СССР

45 лет со дня открытия первой в СССР сельской электростанции

СТЕРЕГУЩИЙ ОГНИ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Кашино и Ярополец. Старинные русские села... Здесь, в Кашине, сорок пять лет назад была пущена первая сельская тепловая электростанция; здесь, в Яропольце, на Ламе сооружена одна из первых сельских ГЭС... И та и другая связаны с именем Ленина. Одну Ильич открывал, другой помогал строиться.

Что я сейчас увижу там? Застану ли тех, кто помнит тот особенный, двадцатый, двадцатого века, ноябрь?..

В Волоколамске, в крепком кирпичном доме, возле мощных трансформаторов с пиками молниеотводов над ними, узнала:

— Есть такой. В Ярополье. Харитонов Георгий Степанович. Наш мастер. Удивляетесь, что работает? Вы бы посмотрели, как русскую пляшет! Об отставке и не помышляет: «Вся жизнь моя,— говорит,— тут».

Годы, беспощадные ко всему живому, собрали на его лице складки и морщины, посеребрили виски. Но годы оказались бессильными притупить его острую память.

— Вон видите дом напротив? Двухэтажный, каменный, что белят? Когда-то чайная была.— Георгий Степанович снимает очки, которыми пользуется при чтении и письме, встает из-за стола, подходит к окну просторной бригадной конторы. За окном по асфальтированному шоссе сигналят автобусы, газуют нагруженные мешками с картофелем грузовики, грохочут тракторы.

— Было уже темно, когда Владимир Ильич подъехал в своем черном автомобиле... Под потолком покачивалась на белом шнуре лампочка-двадцатипятиваттка. Натерпелся я тогда с ней немало, боялся, что возьмет да в самый неподходящий момент и погаснет. Я за нее отвечал. ГЭС еще не было. О ГЭС только мечтали и просили тогда Ленина прислать нам турбину и генератор для нее. Энергию снимали с мельничного колеса. Осветить чайную, волисполком и больницу, как монтеру, доверили мне. Помню, ездил еще в Волоколамск, провод доставал. Тянул его прямо по деревьям и по карнизам домов. Торопились, как узнали, что Ильич будет у кашинцев 14 ноября.

С того самого дня жизнь наша будто перевернулась. Вскоре прибыли медный провод, арматурное железо, турбина и динамо-машина. Здание станции построили за парком, в густом лесу. Туда и отвели по каналу воды реки.

Обо всем этом Георгий Степанович рассказывает уже по дороге. Машина заворачивает за угол и неожиданно меж аккуратных домов рабочих Ярополецкого совхоза вырастают крепостные башни, зеленокупольная церковка с золотым шаром и бело-красный, с лепными капителями особняк.

— Александра Сергеича тещи имение,— важно поясняет водитель.— Гончаровы тут жили. А там граф Чернышов располагался. Санаторий детский до войны был...

Дорога спускается то сосняком, то дубравой все ниже и ниже, к самой реке. Вот она, Лама, колыбель сельской электрификации! Неторопливо, раздумчиво струится она средь ольшаника и ветел. Зеленоватые воды ее бурлят у свай плотины, лениво облизывая замшелые бревна нижнего бьефа.

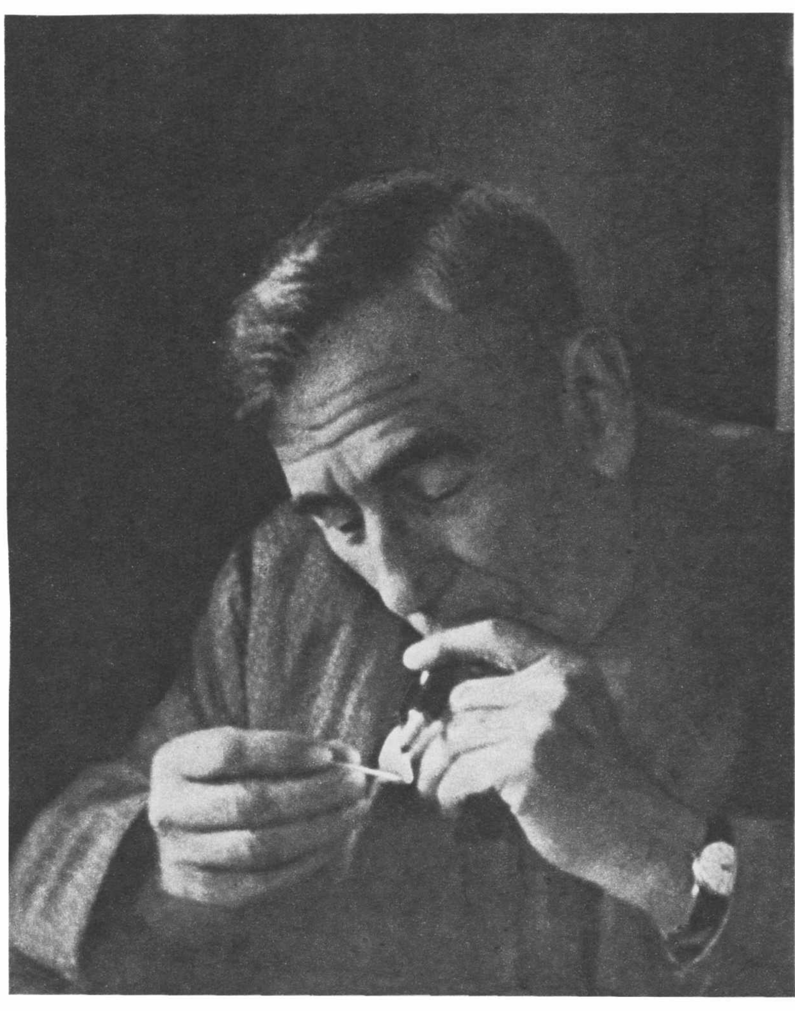
— Жива старушка!— радуется ей Харитонов, поднимаясь на деревянный мост.— Не было бы этой плотины, если бы не Надежда Константиновна Крупская. Об этом мало кто знает. Как-то не приходилось рассказывать.

Георгий Степанович усаживается на скамейку возле домика, в котором живут машинисты ГЭС, и достает портсигар с сигаретами.

— Сначала были у нас не плотины, а горе одно — хворостянки. Долго маялись с ними. Бывало, в дождь законопатишь воронку, вгонишь целый воз хвороста. А бурлящий поток подхватит его, закрутит — фук!— и как не бывало. Снова фильтрует. Однажды и меня вместе с хворостом засосало в воронку. Спасибо, ребята вовремя схватили, вытащили. Ноги только ободрало. А другой раз чуть не утонул...

Харитонов чиркнул спичку, прикрыл огонек ладонью, прикурил.

— Апрель стоял. Паводок начался. Лама разлеглась озером, мы при ней дневали и ночевали, как водяные. Плотину стерегли. Бабы наши еле успевали узелки таскать. Перекусим, подкрепимся — и в лодки, за багры. Все льдины отгоняли. В тот раз сели втроем. Лодка узенькая, вертля-



Г. С. Харитонов Фото автора.

вая, одно слово — душегубка. Понесло ее к сетке, возле которой лед набился стеной. Крикнул:

— Прыгайте в воду!

Один сиганул удачно, поплыл к берегу. Меня грудью прямо в сетку. Хорошо. был в брезентовом плаще, он как щит: колом стоит. Не растерялся, нырнул под сетку, почувствовал, несет куда-то, высунулся — кусты. Вылез. Слышу только, кричат:

— Харитонов погиб. Утоп Егор!

А утопленник стучит от холода зубами, пританцовывает и всматривается: где же третий, Лешка? Он, как лодку перевернуло, ухватился за нее, но до берега далеко. Отпустить ее боится. На нем полушубок и валенки: набухли и тянут вниз. Разделся я до белья и кричу:

— Дайте шест!

Тут меня увидели, бросили шест, и я с ним к Лешке. Вцепился он в него судорожно — так и выволокли. Он без памяти, а руками держит шест, будто клешнями... Так вот и мучились со своими хворостянками.

Прошло время. Послали меня на курсы директоров ГЭС в Тимирязевку. Там я понял, что нужно нам обзаводиться настоящей земляной плотиной. Где взять средства? И тут меня осенило: а если посоветоваться с Надеждой Константиновной? Она была у нас тогда с Владимиром Ильичем...

Написал письмо с просьбой принять, а вскоре получаю и желанный ответ: «Приезжайте». Поехал.

— Здравствуйте, здравствуйте, Георгий Степанович.

Беленькая, совсем беленькая, чистый лунь. Встречает меня как старого знакомого:

— Ну-с, рассказывайте, дорогой товарищ, как живете.

Все, все помнила, оказывается. Даже по именам отдельных людей называла... Изложил я ей наше дело насущное.

— Сколько денег нужно, Георгий Степанович?— деловито спросила Крупская.

— С полмиллиона потребуется, Надежда Константиновна.

— А мощность определили?

Я назвал цифру. Помолчала она, внимательно посмотрела на меня и покачала головой:

— Очень дорого. Прикиньте, во сколько обойдется вам один киловатт энергии. Подсчитали? А амортизационные расходы учли?..

Неловко мне стало. Сижу, краснею.

— Кто вам смету составил?

— Инженеры крупные,— говорю,— рассчитывали.

— А, старые специалисты,— сказала Надежда Константиновна.— Вы поищите молодых. У них и дерзаний побольше, и смелости, и находчивости!

Пошел искать. А разговор-то с Надеждой Константиновной мне на всю жизнь в душу запал. Вот как надо экономить народную копейку!

В «Гидропроекте» два инженера — Левушкин и Толмачев — меня обрадовали:

— Есть такой подходящий проект свайной земляной плотины. Тысяч сто — сто двадцать потребуется. Надо только утвердить в Мособлисполкоме.

А в Мособлисполкоме и слушать не захотели.

— Это,— говорят,— не плотина, а слоеный пирог.

Я к своим ребятам, а они:

— Поезжайте, дядя, к профессору Замарину в Тимирязевку на консультацию.

Профессор, на мою беду, заболел. Набрался, однако, я храбрости и звоню ему домой. Представляете, профессор даже расстроился от волнения и предлагает:

— Привозите, товарищ Харитонов, проект, а вечером опять загляните.

Еле дождался вечера. Еду сам не свой. Получаю схему, разворачиваю, а на ней размашисто, на уголке: «Одобряю. Замарин».

В Мособлисполкоме, как увидели его подпись, спорить больше не стали. В 1939 году плотина была пущена. Жаль, не успела ей порадоваться Надежда Константиновна. Не стало ее к тому времени...

Харитонов помолчал, снова закурил.

— Фашисты хотели плотину взорвать, да не успели. Повытаскали мы толу из-под свай немало. А до машинного зала добрались, гады! Отступая, взорвали. Восстанавливали ГЭС сами.

Возле аккуратного домика, обшитого тесом и окрашенного под темный кирпич, лежит покореженное колесо турбины. Вал ее приподнят, будто нацеленное дуло пулемета.

— Та самая, ленинская?

Георгий Степанович только вздохнул.

— А теперь кое-кто на нашу ГЭС руку поднимает. Говорят, нерентабельно это сооружение. По нынешним масштабам, конечно, это так. Но дело ведь не в том. Дорога нам плотина и станция как память, и надо, по нашему мнению, сохранить и поддерживать ГЭС как музей. Музей для всех: и для нас, и для внуков, и для правнуков. С нее ведь у нас электрификация сел зародилась. Правильно я говорю?

Он встал со скамейки, прокашлялся и сердито зашагал по тропочке. Тропочка попетляла в бронзовом шуршащем октябрьском листопаде и вывела к неширокому бетонированному каналу. Вода в нем чистая, золотисто-багряная. Вода речки Ламы, с которой все начиналось...

* * *

На стене под стосвечным плафоном — синька схемы энергетического района. Непрофессионалу она мало что скажет: скопище линий, треугольников, жирных точек, прямоугольников. Харитонову тут все знакомо, все им исхожено. Вот этот треугольник посередине — Ярополецкий трансформаторный пункт. Он принимает энергию, пришедшую в село. Тут напряжение понижается. А уж потом бегут во все стороны лучи линий — провода, провода и столбы, столбы, столбы... Где их только нет? Шагают они по улицам, полям и перелескам. Протягивают серебристые руки к каждому дому, к каждой мастерской. Пройдите от Волоколамска до Ярополъца и не найдете ни одной обиженной крыши. Никто не забыт. Нигде, ни в одном из шестидесяти пяти населенных пунктов харитоновского участка. А под крышами не только люстры. Приемники и телевизоры, стиральные машины и утюги. Совсем как в городе.

Сложным хозяйством, с десятками подстанций, множеством трансформаторов, переключателей и линий, ведает он, Георгий Степанович Харитонов, мастер участка. Семь лет как распоряжается. С 1958 года, когда на свое иждивение Волоколамский и другие районы взял «Мосэнерго». А не взять не мог, потому что и Ярополецкой и Гусевской ГЭС, и тепловых двигателей, которые были поставлены в придачу, и других местных источников энергии оказалось недостаточно. Тогда руку помощи маленькой Ламе подала великая Волга. Их сблизила Единая энергетическая система. В цифрах это выглядит так. Когда Харитонов директорствовал на Ярополецкой ГЭС, в год вырабатывалось энергии 170 тысяч киловатт-часов. В 1957 году дошли до 210 тысяч, и это был максимум. Сейчас значительно большее количество энергии получает участок Харитонова за один только месяц.

— Через годик-другой тут, в Ярополъце, будет смонтирована более мощная, чем сейчас, подстанция. Потребность ведь растет изо дня в день. Взять хотя бы наш совхоз Ярополецкий. Фермы вроде везде освещены и везде электродойка. А ручного труда еще много. Не приметили?

Или послеуборочная обработка зерна — сортировка, сушка, транспортировка, — продолжал Харитонов.— Тоже все руками делается. Или телятники возьмите: давно пора перевести их на электроотопление. А у меня не только этот совхоз. Прибавьте еще Стеблево, часть «Холмогорки» и кашинский колхоз «Путь Ильича». Тот самый, в котором Владимир Ильич выступал. В каждом хозяйстве своя нужда... Ну, а если и дадим электроэнергию, чем примут они ее? Одалживаются без конца у нас: то провода попросят, то рубильников. А что касается моторов и трансформаторов, то с ними вообще бедствие. По правилам «Сельхозтехника» обязана снабжать всем этим. И внедрять электропривод в производство. Да где там! Все шефы подсобляют.

Зазвонил телефон.

— Да, да,— загудел в трубку Георгий Степанович.— Ты где, аж в Малом Сыркове? Одну фазу выкинул? Ну, добро.

Котов, старший монтер мой, докладывал. В Сыркове устранял повреждения. Хорошо, что нашел быстро. Другой раз ищешь, ищешь, ночью ли, днем, в грозу ли, в метель... А линия сидит без тока. И переключить ее к другой подстанции нельзя. Потому что линии у нас в большинстве радиальные, длинные, напряжение падает. А надо бы укоротить их и закольцевать. Тогда будет надежно: подключил к другой подстанции, и жизнь продолжается. Потери энергии снизятся. Пора сельское хозяйство, как и промышленность, перевести на такое двойное питание, с резервом.

Да еще бы Лотошинскую и Шаховскую подстанции соединить,— вздохнул старый мастер.— Все бы по-другому стало. Начальник мой, что сидит в Волоколамске, обивал все пороги в госкомитете бывшем, а теперь в Министерстве энергетики и электрификации. Отказывают...

И было это вовсе не брюзжание уставшего пожилого человека, а справедливая озабоченность о насущном, наболевшем. Большая энергия пришла в край Ламы, но и требования здесь к ней большие. Стеречь огни, оказывается, очень трудно.

РУССКИЙ ГОСПИТАЛЬ

Эдуард КОРПАЧЕВ

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Ростовцев откинул голову назад и глянул с прищуром поверх Висанского, в этом движении мелькнуло что-то надменное и непривычное для самого Ростовцева. Он вобрал прищуренным взглядом бесконечный, пронизанный солнечными пластами коридор клиники и, чтобы заглушить раздражение, подумал, как всегда, о чем-то самом первом, попавшемся на глаза,— подумал об этом слепящем бесконечном коридоре с множеством солнечных грядок на полу, с натянутыми стропами лучей и назвал его мысленно коридором жизни, потому что те, кто ходил с загипсованной рукой или на костылях в коридоре, были ближе к жизни, чем те, кто лежал в палатах.

Но уже в следующее мгновение он ощутил, как необходимо по-настоящему заручиться поддержкой Висанского, и потому склонил голову и посмотрел в размытую синеву его глаз, и стали они вновь коллегами, которые любили, ценили главного хирурга, своего шефа, своего бога, и ревновали друг друга к нему; а там, в синеве глаз, была непреклонность, и Ростовцев горячим шепотом произнес те же самые слова, сказанные минуту назад, о пациенте из восьмой палаты, о его злокачественной опухоли, о том, что показана незамедлительная операция, а потом добавил, что этот пациент не кто-нибудь, а старый воин, который знаком шефу и обязан ему своей жизнью еще со времен войны.

Он сам не знал, к месту ли это напоминание о прежнем знакомстве пациента и шефа, но в глазах Висанского что-то дрогнуло, и тогда Ростовцев с еще большей запальчивостью стал говорить о том, что уходят из жизни семидесятилетние отцы — один за другим, один за другим, что надо, надо вырвать и отстоять старого воина, если смог его сохранить в самые тяжкие годы их шеф, их бог. Он мог бы не убеждать, ведь был он старшим врачом в отделении, ведь оперировать будет он, и Висанский тут ни при чем, но временами Ростовцев чувствовал необходимость поддержки коллеги, необходимость услышать его мягкий голос.

— Он умрет,— сказал Висанский, и в глазах его вновь поколебалось нечто, будто подводное течение обнаружилось.

— Он умрет без операции,— подхватил Ростовцев, оглядываясь на дверь восьмой палаты и приглушая свой шепот.— И очень скоро. Через три-четыре месяца.

— Он умрет во время операции, не вынесет, ему семьдесят лет, запущенный рак.

— Он умрет без операции. А как на операции и как после операции — этого еще не знаем, но пускай остается шанс, или полшанса, или кроха шанса, но ведь остается какая-то надежда!

— Коллега, мы не имеем права лишать его последних трех-четырех месяцев жизни.

Все верно, все очень логично, и он мог бы не спрашивать ничего у Висанского, ведь это был и его, Ростовцева, мучительный ход мыслей, и в эту минуту он спорил уже как будто с двумя — с самим собою и с Висанским, но самого себя он убедил еще прошлой, еще позапрошлой ночью, а Висанского?.. И чтобы не разубеждаться и чтобы убедить коллегу, он кивнул ему, приглашая за собой, и направился к восьмой палате — высокий, длиннорукий, похожий на рослого мальчика.

Еще не войдя в палату, он представил, как четверо пациентов взглянут на них с Висанским с надеждой и немного подобострастно — все это было знакомо, и если бы знали больные, как временами ранят врача их взгляды и как временами наполняют неожиданной, злой уверенностью!

И вот четверо обратили к ним свои лица, не четверо, а трое, потому что четвертый, к которому они пришли, заметил их, даже не взглянув на белые халаты врачей, на локтях отодвинулся к стене, уступая им место с краю; врачи присели бочком, упираясь один другому в колени, и тут Ростовцев, пристально посмотрев на больного, снова открыл для себя, как тверд и спокоен этот крупный исхудавший старый воин, как приятен яркой сединой и буроватым лицом с коричневыми полукружьями под глазами. Жизнь старика можно было отгадывать по меткам на теле, по шрамам, по следам побоев и ран, и Ростовцев, щупая живот, прикасался к следам смерти, которая не одолела могучую жизнь в этом теле, но всему приходит конец, хотя старый воин мог еще работать, бушевать, драться...

Ростовцев был доволен старым воином, тем, что он не похож на других стариков, на скулящих ипохондриков, и его мужественное безразличие сильнее любого подобострастного взгляда заражало Ростовцева желанием уберечь человека; хотя всему приходит конец, но надо стремиться дерзить и противоречить природе, и как только Висанский одернул рубашку старика, закрывая меченое тело, Ростовцев еще решительнее взглянул на коллегу, не тая решимости именно дерзить и противоречить природе.

Висанский поднялся, приглашая его выйти в коридор, но Ростовцев не успел подняться, потому что старик заговорил твердым голосом:

— Бросьте, ребятки, мудрить. Продление хворобы — продление бесполезной старости. К чему? Вы же материалисты.

Старик произнес это иронично, и Ростовцеву понравилась его ироническая интонация — все нравилось в старике, непохожем на других стариков,— и хирург с той же запальчивостью, с которой убеждал своего коллегу, теперь сказал пациенту, беря его за сухие руки:

— Не продление старости, а продление жизни! Вы же материалист!

Он усмехнулся, и довольный тем, что уверил старика его же словами, и обеспокоенный тем, что старик вдруг продолжит философский спор, быстро поднялся и, подталкивая коллегу, поспешил выйти из палаты, а в коридоре, бесконечном и как будто уходящем все дальше и дальше, к свету, он вновь встал напротив Висанского, заглядывая в его глаза и надеясь увидеть в них нечто новое.

— Узел придется развязать иным путем, без операции,— еще категоричнее сказал Висанский, словно бы тем более противясь, чем сильнее крепла в Ростовцеве решимость и надежда на последний шанс, на полшанса, на кроху шанса.

— Вы поймите, это человек, для которого надо сделать все. Это необычный человек, вы сами убедились. Да что говорить! Спросите-ка у шефа, шеф порасскажет, как спасал его, офицера, в своем Русском госпитале. Слыхали про такой госпиталь? Во вражеском тылу удалось спасти!

Висанский молчал, и Ростовцева бесила непреклонность коллеги, тот был по-своему прав, интеллигент, гуманист, берегущий последние три-четыре месяца жизни старого воина, но ведь гуманнее рисковать, если остается хоть кроха шанса!

Он снова оглядел Висанского, его полнеющую фигуру, холеное, как будто никогда не зарастающее щетиной лицо, маленькие руки, вовсе не руки хирурга, хоть очень чуткие и очень удачливые, и опять откинул голову назад, уничижая коллегу, но не выдержал, бросил сердито:

— Вы, наверное, профессорский сынок, Висанский?

— Нет, я выскочка, парвеню,— вежливо прервал Висанский, обошел Ростовцева и направился куда-то по коридору, хотя обоим пора было торопиться в ординаторскую на консилиум.

Некоторое время Ростовцев стоял один в этом коридоре, пронизанном солнечными пластами, и все еще мысленно продолжал спор с Висанским, а потом со стариком. Он был врачом и многих отстоял от гибели, а некоторых отправил на тот свет, но все же никак не мог привыкнуть к уходу человека из жизни, не мог воспринимать это спокойно. Еще в Военно-медицинской академии его тревожила эта жуткая неизбежность, когда все — здоровье, любовь, дружба, счастье — вдруг летит к черту.

Ростовцев спохватился, увидел Висанского, который возвращался, и зашагал следом за ним. У дверей ординаторской они повстречали шефа, своего бога, живущего на земле, и анестезиолога Ирину Холм, молодую одинокую женщину, очень стройную, с великолепной белой шеей, темными, бархатными, как шмели, глазами, пугающе прекрасную

для больничных стен, но ведь должен и в больнице расхаживать ангел, если расхаживает бог.

Глядя на нее, Ростовцев еще сильнее любил жену.

2

Шеф был земной бог, старый, тяжело больной бог. Он пришел, уселся, закрыл глаза, отчего мешки под ними как будто вспухли, склонил голову, второй подбородок его свисал, как жабо, и вот больной, шумно вздыхающий бог сидел и словно бы ничего не видел, а на самом деле видел все и знал все. Теперь богу помогали все спасенные им жизни и все неспасенные, помогали еще одну жизнь спасти — о, как чувствовал это Ростовцев и как прояснялся лицом, наблюдая за молчаливым шефом, за его усталым, измученным мыслями лбом!

И, точно заражаясь высоким напряжением, Ростовцев резко высказал свое намерение оперировать старого воина; шеф при этом вздохнул, а Ростовцев почти скороговоркой заключил, что операция может закончиться благополучно, что там виднее будет, когда располосуешь полость, и что самое честное дело — оперировать, удалять, шить, пока остается шанс, или полшанса, или кроха шанса.

Висанский стал возражать своим мягким голосом, его речь текла, отточенная и законченная. Ростовцеву всегда нравилась узорная и красивая речь коллеги, потому что сам он в трудных случаях терялся, был сумбурен, грубоват. Сейчас Ростовцев ловил малейшее подергиванье редких ресниц шефа, лишь однажды ерзнул на стуле, ощутив долгий, откровенный, из сердца взгляд анестезиолога, и это напомнило ему взгляд жены.

Шеф по-прежнему сидел с закрытыми глазами, зрячий слепец, и Ростовцеву казалось сначала, что шефу плохо и что взглядом он не хочет выдать свою боль, а потом, когда мелькнула на его смуглом, древнем лице улыбка, он решил, что шеф видит человека и читает его мысли еще до того, как человек произнесет слова, и потому хочет услышать слова, не предвосхищая их своей прозорливостью. А может быть, он думал о другом, вернее, о том же самом: о старом воине, и о Русском госпитале, и о жизни, которую не подстерегла смерть.

Воспоминание о Русском госпитале вдруг по-новому взволновало Ростовцева, он представил себе давно не существующие палаты военного госпиталя с немецкими стражниками у дверей и окон, увидел еще не старого и не больного шефа, увидел меченое тело воина, тоже еще не старого, и других воинов увидел, их тайные ночные разговоры услышал и, преисполняясь особой, незнакомой ранее решимостью, мысленно стал повторять, как позывные удачи, как пароль везения, слова: «Русский госпиталь... Русский госпиталь...» Наверно, эти позывные были всегда слышны шефу, он и сейчас услышал их своим внутренним слухом и, открыв глаза с синеватыми белками, сказал Ростовцеву:

— Я бы за операцию не взялся. Но ассистировать возьмусь.

С этими словами он тяжело пошел к двери, шумно дыша, на Ростовцева пахнуло чем-то мятным, какими-то сердечными каплями, и тут задвигались стулья, зашелестели халаты, шеф сразу оброс белоснежной свитой, но уже в дверях он остановился и, невидимый за рослыми, плечистыми, здоровыми людьми, булькающим голосом проворчал:

— Но смотрите, Ростовцев! Или — или не должно быть. Не то ножик отберу.

Он понес запах мятных капель в коридор, свита устремилась за ним, сея по полу стук каблуков и растекаясь по кабинетам, палатам, а Ростовцев, оставшись один, зажмурился, выдул струйкой воздух, точно дым табачный, откуда-то издалека услышал или вновь повторил мысленно позывные: «Русский госпиталь... Русский госпиталь...» — и, очнувшись в своем русском госпитале, покрутил головой, сказал себе: «Да-а!..» — и лишь теперь заметил, что оставалась в ординаторской и анестезиолог.

Он не любил, чтобы даже жена видела его муки, вникала в его раздумья, а тут был человек, который смотрел, как любимый человек, и Ростовцев вскинул голову. Это надменное и непривычное движение самому Ростовцеву было странно, хотя и повторялось нынче.

— Дайте папиросу, коллега,— попросила Холм.— Из вас выйдет толк. Не зазнавайтесь.

Ростовцев протянул мятую пачку женщине, она стала разминать папиросу, и табак потрескивал у него за плечом.

— Идите.— Она толкнула его кулаком, и ему было смешно это теплое прикосновение, а ей, наверное, было смешно ощутить его теплую худую спину.

Он заспешил по коридору; здесь уже никого из свиты не было, лишь ехала навстречу тележка с тарелками супа, над которыми вырастал парок. Он свернул в восьмую палату, а раздатчица крикнула:

— Не закрывайте, доктор, сюда везу!

Он сразу присел на край кровати, старый воин не успел подвинуться, простыня туго обтянула его тело, старик стал выскальзывать к стене, хмуро посмеиваясь, покряхтывая, говорил:

— Бегаете, бегаете, совещаетесь... Мне вот легче после ваших слов. Так что... не тужите, ребятки!

3

Мир сузился и стал пуст, осталась лишь операционная, где десяток людей с отчаянной дерзостью колдуют над старым воином.

Ростовцев оперировал с той свободой и легкостью, какую всегда ощущал в присутствии шефа, их руки иногда соприкасались, новый заряд дерзости как будто проскакивал по жилам Ростовцева.

То предупреждение шефа и не помнилось, а если и помнились какие-нибудь его слова, то совсем другие: о том, что теперь сила на

земле — это люди среднего возраста, в которых жива молодость и которых коснулась мудрость зрелости; но слова эти мелькали в памяти разрозненно, они и не нужны были Ростовцеву, с него хватило присутствия шефа, который хоть и не резал, не шил, но все же как будто и резал и шил старого воина — только не своими, а его, Ростовцева, руками.

Удалять пришлось немного, и когда дело подходило к концу, Ростовцев даже промычал изумленно в марлевую свою повязку: опухоль не разрослась,— он удивился удачному случаю и, работая иглой, воодушевлял себя: «Лежи, старик, лежи, материалист! Мы еще поспорим, какое такое продолжение хворобы... Продолжение жизни, старик! Спи под наркозом, а мы тебя иголкой — вот так, вот так... Ничего, спокойно».

Медсестра утерла пот с его лба, он подумал почему-то, что это Ирина Холм, взглянул и увидел анестезиолога на месте, у своих аппаратов, она тоже смотрела на него, и в эту острую, короткую, как вспышка, секунду он вдруг осознал, что она будет глядеть на него проникновенным взглядом и завтра, и в следующем году, и еще черт знает сколько лет, и он не понимал, зачем ему такое счастье, когда он и без того счастлив.

Отводя взгляд, он словно бы впервые заметил другой стол в этой большой операционной и людей вокруг стола, а Висанского среди них не успел разглядеть, но Висанский был среди них; он еще раньше начал операцию на сердце. У того стола суета и возня ощущались больше, чем здесь, позвякивали инструменты, что-то шлепалось на пол или в таз, послышался чей-то глухой сквозь марлю возглас, значит, Висанскому приходилось жарко. Но отвлекся Ростовцев лишь на какой-то миг, за который сумел побывать у другого стола, в чужом халате, в чужой шкуре, и узнать, каково жарко коллеге. «Не отвлекаться,— одернул он себя,— не отвлекаться!» — и снова ушел в свой пустынный мир.

Вскоре он уже заканчивал шить, уже оставалась самая малость, вот и еще одна метка появилась на меченом теле, теперь бинты, еще бинты, и вот уже окончена драка, жив ваш материалист, забирайте его в восьмую палату, да сестру, сестру хорошую посадить при нем.

Санитары понесли живое спящее тело на узких носилках, тотчас заторопился вон из операционной шеф — видно, опять разболелось сердце,— за ним потянулась белоснежная свита. Ростовцев остался один у теплого еще клеенчатого стола, потом пошел к умывальнику и долго мыл руки, не снимая перчаток.

Он уже понемногу обрастал родственниками, женой, друзьями, коллегами, всей звучной, суматошной, нервной жизнью города, и город уже раздвигался во всю ширь улиц, все возвращалось на свои места, и тут Ростовцева опять позвало волнение, возникшее у того, другого стола: там забегали, зашаркали подошвами, забубнили все разом сквозь марлю.

Ростовцев затих подле умывальника, следил, как там суетятся, и услышал спокойный, театральный голос Висанского: «Побыстрее!» — потом знакомый хруст, как будто раздирали материю, металлический стук инструмента. Волнение нахлынуло на людей у того стола внезапно, как волна, и вдруг угасло. В тишине отчетливо было слышно, как уронили на пол мокрую тряпку, это Висанский кинул свои пунцовые перчатки, быстро выходя из операционной.

Можно было не смотреть, как уже без предосторожности задергивают простыню: Ростовцев знал, куда понесут это тело.

Он вышел из операционной и ковыляющей своей походкой направился в ординаторскую, а тут никого не было, кроме Висанского. На него жалко было смотреть, лицо казалось расплывшимся, а размытая синева глаз стала еще бледнее.

Ростовцев пошарил в шкафу с медикаментами, что-то обронил, какой-то порошок с хрустом смял в кулаке и со словами: «Эта дрянь не помогает!» — выбросил в урночку, нашел широкую бутыль со спиртом, отлил в какую-то склянку добрый глоток и поднес Висанскому. Тот выпил, Ростовцев налил и себе и тоже выплеснул в рот маленькое бесцветное пламя, и, когда там загорелось, обжигая нёбо, язык, горло, он понюхал свой белоснежный рукав, посмотрел на Висанского и налил ему еще.

— Страшный день,— хватая опаленным ртом воздух и глядя куда-то внутрь себя, сказал Висанский.— Я уж починил его порок, зашил грудь, и тут вдруг оно остановилось. Опять вскрыл, рукой стал массировать — впустую. Страшный день. Понедельник сегодня, что ли?

Ростовцев помалкивал, во рту было сухо, огонек бежал по сосудам, горячил и гнал обрадованную кровь.

— Вот и вы настояли своего старика кончить. В один день — эх, беда! Посмотрели — зашили? — И Висанский с упреком обратил к нему румяное от выпитого и от беды лицо.

— Удалили, зашили.

— Нет, вы правду говорите, Ростовцев? — не веря и с надеждой спросил коллега, сжимая горячей ладонью его ладонь.

Ростовцев кивнул головой, а Висанский порывисто стиснул его плечи и чмокнул в лоб. Ростовцев смущенно отстранился, пошел ставить бутыль на место и, закрывая шкаф, подумал, что сегодня он спас еще и Висанского, скрасил хоть немного его несчастливый день.

4

А потом трое суток соединились в один бессонный день. Ростовцев выпросил себе ночное дежурство, но не спал, потом второе дежурство, но опять не спал и наведывался в восьмую палату, слушал дыхание старика, ругал себя, если задевал коленями о койку. На четвертые сутки, к исходу все того же бесконечного дня, он осунулся, стал сер лицом, неуверен в себе и опять ощутил, как надо заручиться поддержкой Висанского, хоть все шло хорошо и старик дышал. Он знал, какие штучки иногда выкидывают оперированные в первые после операции дни, но если старик дышал, дышал, то и ему, Ростовцеву, можно было дышать спокойно.

— Что-то уж очень хорош мой старый воин, подозрительно хорош! — потирая руки таким движением, точно перчатки надевал, и заглядывая в синеватые глаза Висанского, сказал Ростовцев.— Как тот, которого взялись выписывать, а он взял да помер.

— Тот был слаб, а воин поживет еще, поживет!— Висанский поспешил рассеять все его сомнения и не отвел преданного взгляда, потому что любил, ценил Ростовцева и ревновал к шефу.— И знаете, вы удачливый человек, вам кругом везет, вам еще не такая удача будет!

Ростовцев вяло улыбнулся, обнял коллегу и повел его в палату, словно готовясь поделиться удачей. Как и в тот раз, они присели, касаясь коленями, на койку старого воина, и Ростовцев пораженно заметил, что старик помолодел, все его лицо как бы светилось.

— Это было под Миллеровом,— вдруг сказал помолодевший старик, красный казак в буденовке,— беляки порубали меня, а я лежал в степи и не хотел помирать. И не помер, потому что не хотел. И еще было такое в гестаповском застенке, они уже начали поджаривать меня шомполами, а я молчал и не хотел помирать. И не помер, потому что не хотел. Там все ясно, как день. Ну а теперь? Я свое сделал, мне теперь не страшно было помереть. А я живой. Что-то непонятно мне все это, материалисты. Вот живу, бачу свет и не догадываюсь, в чем дело. А, материалисты?

— А теперь мы не захотели!— с вызовом ответил Ростовцев, опять полнясь той особой решимостью дерзить и противоречить природе.

Он поднялся, оставил Висанского одного, а сам пошел по другим палатам щупать, мять, выстукивать пациентов. Кого-то он шутливо похлопывал по животу: «Много ел всю жизнь»,— кого-то вытаскивал из болотца страха: «Тебя долбней не убьешь, ты переживешь меня»,— кому-то гипнотически внушал: «Вы все-таки заставьте родственников, чтоб дали согласие оперировать»,— а сам все время словно бы находился со старым воином, чтоб праздновать свою удачу и чтоб увереннее быть перед новым делом.

Потом он появился в ординаторской, здесь уже были Висанский и анестезиолог Холм. Ростовцев принялся шумно расхаживать, переставлял какие-то банки, даже поднес одну из них к носу и был рад, что может уйти из клиники.

— Домой, домой! За старика можно не беспокоиться, так, Висанский? Да и сиделка при нем. Дурак я вообще, зачем торчал здесь две ночи, не понимаю. Нет, домой, домой!

Наверное, он был сер лицом и выглядел загнанным, и потому Ирина Холм проводила его тем обеспокоенным взглядом, каким — он знал — встретит жена, хотя он звонил ей и просил не ждать.

— Возьмите папиросу да идите, идите, конечно!— Ирина протянула ему старую, ветхую пачку, он даже подумал, что это его пачка, и она сама принялась разминать папиросу для него.— Слишком вы задерживаетесь, коллега. Сходили бы в консерваторию, орган послушали — великолепный у нас орган.

— Оставим эти интеллектуальные штучки студенчеству. А я пойду спать. Сначала съем банку болгарского компота, а потом — спать, спать. Великолепный компот, сливы холодные, как устрицы.

Ростовцев нарочито говорил обыденные слова, и ресницы у анестезиолога опустились, видимо, что-то рассердило ее в этих вызывающих словах.

— И все же вашим коллегам интересно даже то, что вы любите есть, и что курите, и что вообще любите,— сказала она.

Щелкнула дверь, вышла из ординаторской Ирина Холм, и тут Ростовцев подосадовал на свою грубоватую манеру и подумал, что было бы неслыханным счастьем любить эту одинокую прекрасную женщину, что случись жене уйти от него, хоть этого никогда не случится, и он приударит за Ириной Холм, покажет и консерваторию, и ресторан с изысканной едой, и бесцельную езду на «Волге», будет красно говорить о Пятой симфонии Шостаковича, о современных поэтах — разобьется в прах, чтобы заслужить настоящую любовь. Он любил бы эту прекрасную женщину, если бы не любил жену с такой силою, что каждое утро, уходя на работу, будто терял ее навсегда и с новым восторгом находил каждый день.

Но пора, пора домой, сказал он себе, пора надеть китель. Развязывая тесемки халата, он подумал, что есть простые радости, о которых очень редко думают люди, и думают лишь тогда, когда выздоравливают или влюбляются. Вот, например, час возвращения с работы. Можешь ехать в осевшем, грузном троллейбусе, в котором дверцы на остановках иногда с визгом захлопываются, а иногда не захлопываются, потому что люди едут и на подножках; и можешь идти, рассеянно глазеть, бросать в губы папиросу, шарить по карманам, не находя спичек, и тут кто-то зажигает перед тобой в ладонях огонек, ты прикуриваешь торопливо, огонек мигает в ладонях, как в пещерке, ты благодаришь, идешь дальше, и как хороша жизнь — ах, как она хороша и мила своей суетой, своими людьми, троллейбусами, и как хорошо ощущать, что ты живешь, куришь, дышишь, идешь!..

Тут снова щелкнула дверь, точно выстрел из игрушечного пистолета. Ростовцев едва успел повернуться, и Ирина напряженно произнесла:

— Слышите, опять плохо шефу!..

Глаза ее были тревожны. Ростовцев прочитал во взгляде анестезиолога, что беда, беда со здоровьем бога, недаром ангелы кружат по всей клинике; он представил себе бога больным, старым, обреченным человеком и тотчас услышал, как позывные удачи, как пароль везения, слова: «Русский госпиталь... Русский госпиталь...». Надо было действовать, и он шагнул из ординаторской в бесконечный светлый коридор клиники.

— Кажется, ему совсем плохо,— с отчаянием сказала вслед Ирина Холм.

ОДА «АВРОРЕ»

Микола УПЕНИК

*Как будто на крутую гору,
откуда лучше видишь цель,
я поднимался на «Аврору»—
на огненную цитадель.*

*По трапу, где прошла
Свобода,
уставив жерла батарей,
сквозь расстояние и годы
взошел к истокам наших
дней.*

*Тут наша мощь в своем
начале,
тут сила, доблесть и размах,
что мы наследниками взяли
на этих невских берегах.*

*От этих мачт, от рубки этой
сегодня летопись ведут
не только родина Советов,
а весь освобожденный Труд...*

*Под снегом невские
просторы.
В морозной замети стою
и вспоминаю вновь,
«Аврора»,
твой путь, историю твою.*

*Не горькой памяти Цусиму,
а революционный год
и твой огонь неугасимый,
что на борьбу повел народ.*

*Едва ли посвятил Авроре
твое название сатрап
затем, чтоб ты в багрянце
с моря
пришла Свободе сбросить
трап.*

*Не знал, не думал он в
гордыне,
что и его октябрьским днем
и всех богов, моя богиня,
испепелишь своим огнем*

*и в бескозырке и бушлате
ты возвестишь на целый свет,
что призван старый мир к
расплате,
что наконец пришел рассвет.*

*...Спокойно серебрится инеи,
утихла заметь над Невой,
и лишь на якоре твердыня
несет дозор сторожевой.*

*Как маскхалатом,
постепенно
ее окутала зима...
На вахте, чуткой и
бессменной,
стоит история сама.*

**Перевел с украинского
Дмитрий СЕДЫХ.**

◀ Утром на улице Тбилиси.

Глаза и уши артиллерии. ▶ На наблюдательном пункте.

ТАУ

Фото Г. МАКАРОВА

Иной раз свежим утром, когда мосты через Куру еще плывут в утренней дымке, а солнце осторожно снимает ее с желтеющих деревьев на проспектах и улицах, в привычную пеструю ленту разноцветных машин и троллейбусов вплетается нить защитного цвета. Батарея выходит в поле. Солидно покачиваются орудия, влекомые гудящими тягачами, полными загорелых парней в обожженных южным солнцем панамах.

И как ни спешат в это раннее время прохожие, каждый проводит колонну добрым взглядом. А школьники в белых рубашках и пионерских галстуках приветливо машут руками, что-то кричат и долго бегут рядом.

25 февраля 1921 года жители столицы Грузии вышли на улицы, чтобы приветствовать бойцов Красной Армии, участвовавших в освобождении Тифлиса от контрреволюционного засилья меньшевиков. В числе других воинов революции по городу прошел 6-й полк красных курсантов — основа будущего Тбилисского краснознаменного артиллерийского училища имени 26 бакинских комиссаров.

С тех пор вот уже более сорока лет живет в городе своеобразная традиция — встречать аплодисментами монолитные колонны курсантов, движущиеся мимо праздничных трибун по площади Ленина. И не только в праздники.

Нелегка задача подготовки грамотного офицера-артиллериста. Она требует воли, дисциплины и напряженного труда от всех, начиная с первокурсника и кончая начальником училища.

Питомцы ТАУ сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны. Многие из них стали генералами, а семнадцать храбрейших — Героями Советского Союза.

В фойе клуба училища уже не хватает места для мраморных досок с высеченными на них именами выпускников, закончивших училище с отличием.

Сейчас, в год 45-летия училища, продолжается напряженная работа всего коллектива по воспитанию молодых офицеров Советской Армии.

Валентин Шквара у токарного станка. Он, как и все курсанты, получит не только офицерское звание, но и диплом техника.

◀ «По танкам!»

▶ Младший сержант Виктор Гюльзатян и студентка-заочница Диана Кленина в выходной день.

Судьба каменной летописи

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Сергей ЕСЕНИН.

В. НИКОЛАЕВ

Страсть к красоте

Царь Иван III в 1474 году пригласил в Москву знаменитого итальянского зодчего Аристотеля Фиораванти. Ему было поручено строительство Успенского собора в Кремле. И прежде чем выполнить ответственный заказ правителя Руси, Фиораванти направился во Владимир и Суздаль для ознакомления с архитектурой тамошних соборов.

Итальянский зодчий не случайно поехал в исконно русские края. Возможно, он и сам попросился в эту поездку. Ему, несомненно, было известно, что иноземных летописцев изумляло строительство славян; они называли Русь «Страной городов».

В великолепном созвездии дошедших до нас древних русских городов бесценной жемчужиной сияет Суздаль. Он горд и скромен, этот сказочный город. В наши дни у него негромкая слава. А жаль! Его по праву можно сравнить хотя бы с таким чудо-городом, как Венеция, о которой знает весь мир, куда совершают паломничество миллионы.

В Венеции поражает обилие архитектурных шедевров, приходящихся на столь малую площадь. То же самое и в Суздале. Но в Венеции плотность рукотворных чудес — от нужды, от недостатка суши. В Суздале земля просторная, привольная. Но век за веком суздальские мастера, словно соревнуясь между собой, возводили шедевры рядом с творениями своих предшественников. Город был как бы местом архитектурных ристалищ, где сталкивались самые дерзновенные, гениальные замыслы. В то же время строители Суздаля всегда бережно принимали от ушедших поколений эстафету уникальнейшего мастерства. И всегда суздальские зодчие подчинялись одному правилу — вплетали в каменную симфонию города свою собственную мелодию так, чтобы она не звучала диссонансом. Здесь один монастырь подчеркивает красоту другого, а третий вписывается в их панораму так, как будто все они построены в одно время, по единому замыслу.

И с веками встал на Руси город Суздаль, единственный в своем роде, неповторимый. Судите сами. В 1573 году в Суздале на несколько десятков монастырей и храмов было всего четыреста четырнадцать дворов!

Но Суздаль никак не назовешь городом-богомольцем. Он и зародился как город-труженик в Ополье — древней житнице Владимирского края. На тучных землях первые русские поселенцы основали свои деревни в X—XI веках. В древней летописи первое известное нам упоминание Суздаля относится к 1024 году.

Хлеб, ремесло, торговля — на всем этом и рос город. Рос на высоком берегу реки Каменки, где «место красно и стройно», как говаривали в старину. И уже в XI веке на ее глинистых берегах день и ночь дымили печи, обжигающие кирпич.

Суздальские каменных дел мастера обладали дерзкой фантазией творцов и удивительным для тех времен размахом. Навстречу солнцу, на десятки метров ввысь, устремляли они колокольни и купола, на многие гектары застраивали территории монастырей. Невиданные масштабы созидания требовали не только таланта и мастерства, но и мощной строительной индустрии. Одна лишь обжигательная печь за один прием выдавала пять тысяч кирпичей! Недаром летопись сообщает об архиепископских и монастырских кирпичных складах на берегу реки Каменки и о множестве проживающих в слободах «кирпичников и каменьщиков и всяких промышленных людей».

Суздаль воздвигался руками своих умельцев. Здесь, как свидетельствует летопись, не искали «мастеров от немец»; здесь на стройку «налезе мастеры от клеврет святые Богородицы и от своих, иных олову льяти, иных крыти, иных известью белити». Эта запись относится к XII веку. В летописи можно прочитать, что в 1628 году суздальские строители вызываются в Москву, чтобы там «церковные и дворцовые и плотные и городовые резные каменные дела поделати». В списке направленных в Москву мастеров перечисляются каменщики Лука Евтифеев, сын Слугин, и Ивашко Федоров, сын Козин, кирпичник Офонька Акимов, сын Ишанов, и многие другие суздальцы.

Этот список случайно дошел до нас. По нему не скажешь, кто из них, Лука или Офонька, был не просто каменщиком или кирпичником, а руководил постройкой величественных сооружений. Это вполне могло быть. Сказано же в одном суздальском документе, что сооружением 76-метровой колокольни руководил крестьянин Кузьмин!

Из суздальских ремесленников вышли такие выдающиеся зодчие, как Иван Мамин, Иван Грязнов и Андрей Шмаков. Мы точно знаем их имена только потому, что трудились они сравнительно недавно — в конце XVII века. Да, скуден дошедший до нас перечень имен суздальских зодчих, но до сих пор живет в камне их гений и душа!

Не только великие безымянные зодчие, не только искусные каменщики, плотники, литейщики и кузнецы создают легендарный Суздаль. Время сохранило диковинные изделия местных ювелиров еще с XIII века. По четыре века насчитывают редчайшие образцы шитья — разноцветные ткани, шитые жемчугом, драгоценными камнями, золотом и серебром. Резьба по кости и дереву, керамика, майолика, живопись — всем был славен Суздаль. Помните народное прозвище: «суздальские богомазы»? Они многое сделали, эти «богомазы»... Московская школа иконописи развивала суздальские традиции.

Время обошлось с творениями суздальских художников еще безжалостнее, чем с белокаменными стенами города. Но и то, что сохранилось, поистине бесценно. Часами можно рассматривать, например, златые врата, украшающие южный и западный порталы Рождественского собора. Многочисленные золотые изображения на вратах не столько пересказывают евангельские сюжеты, сколько говорят о тонком вкусе, отточенном мастерстве и яркой фантазии древних художников. А надписи под изображениями и сегодня являются ценнейшим источником для изучения древнерусского письма и языка.

Город неустанно трудится. И столь же неустанно приходилось ему сражаться, отбивая атаки иноземных захватчиков. Вот почему вырастают один за другим монастыри-крепости. У каждого такого монастыря своя вполне реальная, земная предыстория и история. Уже в XII—XIII веках вне кремлевских стен создается оборонительный треугольник из монастырей. Постепенно вокруг кремля возникает кольцо укрепленных монастырей-форпостов. Не раз и не два пришлось им оправдывать на деле свое мирское назначение. И для каких бы практических нужд ни воздвигали суздальские зодчие свои сооружения, в их каменных шедеврах неудержимо бьется страсть к красоте!

До наших дней на берегу реки Нерль, недалеко от Суздаля, стоит белокаменная церковь Бориса и Глеба, сооруженная в 1152 году по приказу Юрия Долгорукого,— древнейший памятник владимиро-суздальской архитектуры. Это был центр древнего укрепленного района, своеобразный контрольно-пропускной пункт на оживленной в те времена речной магистрали. На той же реке сторожевым дозором стояла церковь Покрова на Нерли, сооруженная в 1165 году. Время пощадило ее белокаменные стены. За свое неповторимое очарование она считается ныне одним из лучших образцов мировой архитектуры.

С кипучей жизнью, полной борьбы и страстей, а не с мирным божьим небом связаны и судьбы двух крупнейших и красивейших суздальских монастырей: Спасо-Евфимиевского (1352 год) и Покровского (1364 год). Их воздвигли, стремясь превратить Суздаль в форпост, который противостоял бы Москве, набиравшей силы.

Только такие огромные монастыри-крепости могли отвечать столь дерзкому замыслу. Не случайно местный летописец ключарь собора Ананий Федоров в «Историческом собрании о граде Суздале» пишет, что Спасо-Евфимиевский монастырь стоит, «красуясь своим строением яко град».

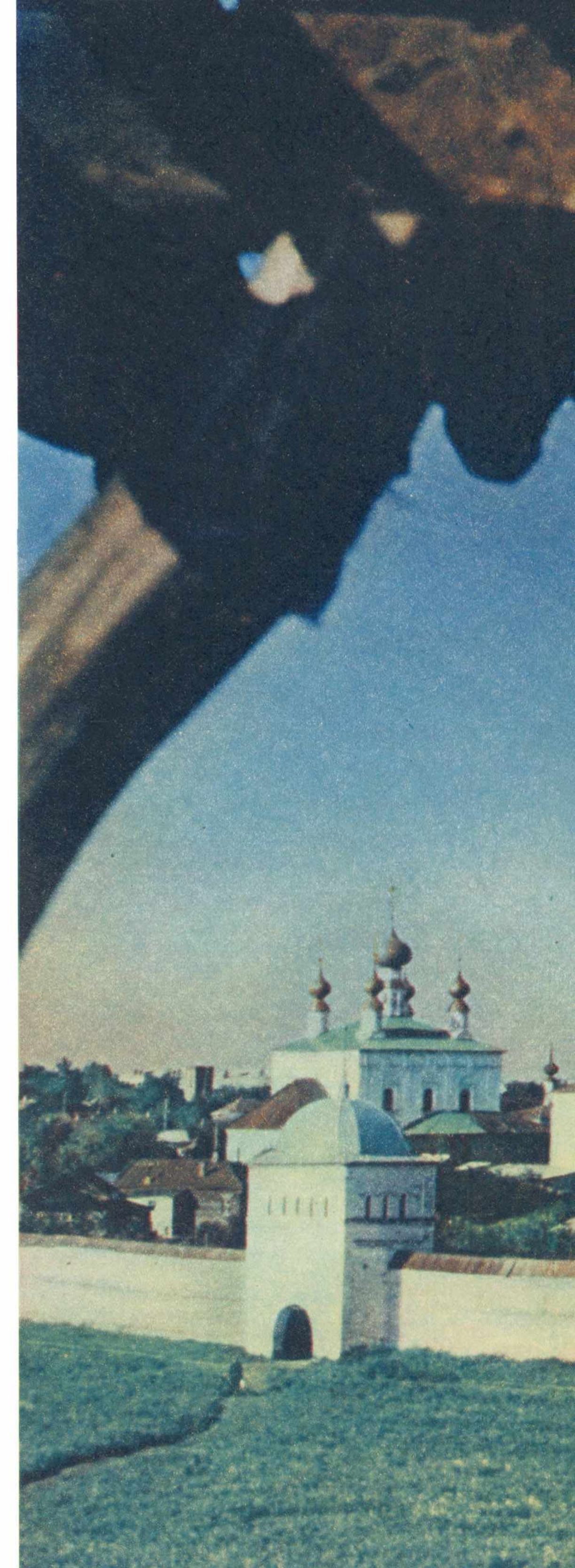
За крепостной стеной монастыря похоронен Дмитрий Пожарский. С именем великого полководца Александра Невского переплелась история Александровского монастыря, который князь основал в 1240 году. Многие славные дела национальных русских героев связаны с Владимиро-Суздальской землей.

Любим ли мы Русь!

«Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат песни и предания»,— писал Гоголь. Прислушиваться к

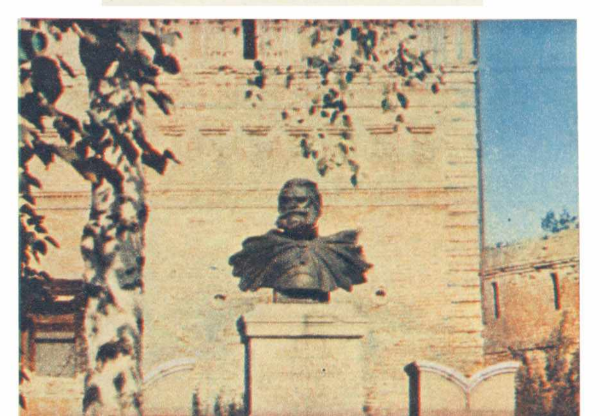
Герб древнего Суздаля.

Фото М. САВИНА.



Вечереет...

Памятник Дмитрию Пожарскому.



Покровский монастырь.

Златые врата, Успенская церковь (фрагмент).

Фильм будет интересным.

Дар Дмитрия Пожарского.

У стен Спасо-Евфимиевского монастыря.

Городские силуэты.

тому, что рассказывает Суздаль, читать его каменную летопись, осматривать его надо не день и не два,— в разное время, при разном освещении; лучше всего при солнце с легкими облаками. А после нескольких дней знакомства с городом надо разыскать старшего реставратора местного музея — Александра Андреевича Осетрова. У него хранится ключ от самой высокой колокольни, которая стрелой поднялась в центре Суздаля над Ризположенским монастырем.

Поднимешься на колокольню, посмотришь на все четыре стороны, и знакомство с Суздалем начинается заново. В отличие от древних строителей города мы можем любоваться делом их рук с этой высокой точки, которой они не располагали (колокольня была сооружена в XIX веке). Отсюда, сверху, сразу замечаешь, как поколение за поколением суздальские зодчие тщательно продумывали и дополняли сложившийся городской ансамбль, как вписывали в ландшафт Ополья свои строения, как компоновали их друг с другом.

Глядишь на эту красоту несказанную, и к чувству, охватившему тебя, примешивается боль. И на то есть веские причины.

Как ни описывай вид, открывающийся с колокольни, все равно не поделишься с людьми всей своей радостью. Это надо видеть самому. Но этого никто не видит. Даже те, кто приезжает в Суздаль на экскурсию.

— Кого же сюда пустишь? Стыдно! — говорит Александр Андреевич Осетров.

И верно, стыдно. Взбираться на колокольню приходится по ветхой деревянной лестнице через дебри голубиного царства. Только и смотришь под ноги, чтобы не упасть и чтобы не раздавить нечаянно голубиные яйца и птенцов, жмущихся к стенам. А голуби, которые здесь, вблизи и в полумраке, кажутся в два раза больше, с шумом, тяжело взлетают при нашем появлении, задевая крыльями голову и плечи.

— Сломали железную лестницу,— сокрушается А. А. Осетров.— Да и покрашена колокольня разве так была?! И шпиль у нее был золотой. Суздальцы вообще мишуры и мишуры не любят, но здесь золотой шпиль очень был красив. А когда лестницу сломали (она хитро была придумана: еще и громоотводом служила!), деревянный шпиль, покрытый позолотой, загорелся в грозу. Три дня горел, как факел, над городом...

И заходит у нас с Александром Андреевичем разговор о судьбе города-музея, о том, как храним и бережем мы красоту, оставленную предками нашими.

— Халтура одна! — горько бросает Осетров, говоря о реставрационных работах в Суздале.

Он прав. Дело поставлено из рук вон плохо. Средств мало, да и те, что отпускаются, идут практически впустую. Качество строительных материалов, применяемых при реставрационных работах, ниже всякой критики; их уже никак не сравнишь с теми, которые производили суздальские мастера много веков назад! Из-за наплевательского отношения к памятникам старины почти перевелись и умельцы-реставраторы; до недавнего времени такое отношение было даже одним из модных веяний.

Реставрация в Суздале сводится к мелкому текущему ремонту, вроде как в квартире или на кухне: побелить, подмазать...

Вместе с А. А. Осетровым мне довелось осмотреть колокольню Рождественского собора после «реставрации». На ней сейчас вполне можно снимать кадры какого-нибудь исторического фильма под титром «После набега татарских орд».

На всех древних строениях аккуратно прикреплены массивные плиты, удостоверяющие, что перед вами действительно памятник архитектуры. Они, пожалуй, необходимы, эти надписи. А то и не поверишь! Ведь через разбитые окна и ржавые решетки видно, каким несусветным хламом забиты все эти «памятники архитектуры». Разрушаются и гибнут безвозвратно не только фрески и росписи. Стены, выдержавшие не одно вражеское нашествие, рушатся от людского равнодушия.

Некоторые древние сооружения заняты учреждениями, которым, право, не место в цитадели русского зодчества.

— Как же,—говорили мне в Суздале,— убрать их из монастыря? Ведь это богатый арендатор! В прошлом году он дал на ремонт 12 тонн кровельного железа, хоть кое-где монастырь подлатали. Правда, краски не дал. Значит, через год-другой все снова поржавеет.

Когда подходишь к Спасо-Евфимиевскому монастырю, то видишь на стене у входа навесы, чтобы камни на голову не падали. Навесы из досок, посеревших от дождей, снега и солнца. Давно, видно, служат они!..

Подобные приметы сегодняшнего Суздаля взывают прежде всего к нашей совести. Или мы Иваны, не помнящие родства?!

Заехал недавно в Суздаль банкир Ротшильд. Походил по городу и сказал:

— Вы по золоту ходите! Я много стою, но если бы мне дали Суздаль на два года, я бы свое состояние удвоил.

Иностранные туристы, приезжающие в Суздаль, обычно не могут прийти в себя от изумления: они и не предполагали, что на Руси может существовать такое чудо! Они ничего не знали о нем.

А мы сами хорошо его знаем? Счет нашим туристам ежегодно идет только на десятки тысяч, иностранным — на сотни человек. Суздаль же должны видеть миллионы! И прежде всего молодежь наша. Каждый, в ком есть сердце и разум, побывав в Суздале, еще больше полюбит свою Родину. Это, пожалуй, самое главное, чем может послужить Суздаль новой Руси, советской.

Но прежде чем Суздаль посетят миллионы, нужны миллионы рублей, чтобы привести город в порядок. И не стоит этого пугаться: деньги, вложенные сегодня, окупятся буквально завтра. Не нужно быть Ротшильдом, чтобы понять это. А что необходимо сделать, чтобы превратить Суздаль в подлинный город-музей? Реставрировать памятники старины, благоустроить город, построить невдалеке от него гостиницы и мотели, развернуть рекламу. При этом нужно решить много крупных и мелких вопросов. Причем решить одновременно многим министерствам, ведомствам и организациям — это министерства культуры, торговли, коммунального хозяйства, «Интурист», Академия наук СССР, Всероссийское добровольное общество охраны памятников истории и культуры, союзы художников, архитекторов, писателей, кинематографистов и т. п. Должны быть отпущены средства, которые, повторяю, быстро окупятся, как только будет налажен массовый туризм. И на первых порах неплохо бы организовать какой-то координационный центр, чтобы направлять всю работу.

В путеводителе «По древним русским городам» сказано: «Город Суздаль — одна из богатейших сокровищниц русской национальной культуры. Свыше пятидесяти значительных памятников архитектуры сосредоточено на территории этого небольшого города, прекрасно сохранившего свою первоначальную топографию».

А ведь «прекрасно» сказано не случайно. Еще в 1789 году был утвержден проект перепланировки Суздаля, выполненный так называемой Комиссией строений. Тот же путеводитель отмечает, что «планировка Суздаля принадлежит к числу наиболее удачных работ Комиссии строений» и что этот проект «в значительной мере был осуществлен». Вон когда еще люди задумывались над необходимостью сохранить уникальные памятники Древней Руси! Не грех вспомнить об этом сегодня!

Наверное, надо смотреть и шире. Древняя Русь — не один Суздаль. Просто в этом городе все видно ясней, отчетливей. И непреходящая ценность прошлого нашей Родины и наше, мягко говоря, безучастное отношение к этому прошлому.

Вот почему вопрос «Любим ли мы Русь?» сегодня вполне уместен. Мы должны задать его сами себе. И мало ответить на него утвердительно. Настоящая любовь должна быть действенной.

Обсуждаем статью Г. Коробкова «Молодость знает...», опубликованную в «Огоньке» № 40.

СПОРТ — НА ПЬЕДЕСТАЛ ПОЧЕТА!

С 11 лет я занимаюсь спортом. И вот сейчас, когда идет пятый десяток, с удовлетворением и благодарностью вспоминаю тех, кто с детских лет привил мне любовь к спорту,— наших тренеров по баскетболу товарища Комакова и по волейболу товарища Саакова.

В чем же была их притягательная сила, почему к ним тянулись ребята? Да в первую очередь в том, что они беззаветно любили спорт и все свое мастерство старались передать нам, не считаясь со временем. Мы это видели, знали и проникались к ним еще большим уважением, любовью, старались быть похожими на них. Они были строгими, требовательными и справедливыми людьми. Эти качества спортивного трудолюбия, дисциплины наши тренеры привили нам. И когда наша молодая сборная Туркменской ССР по боксу незадолго до войны заняла второе место на среднеазиатских соревнованиях, вера в свои силы и в тренера еще больше возросла.

Итак, первое, чего не хватает многим спортивным коллективам, особенно в сельской местности и небольших городах,— это тренеров, настоящих, любящих и знающих свое дело.

В статье Г. Коробкова говорится о том, что у нас в СССР спорт развит наиболее массово. Да, это так! Но иногда на эту массовость надо, мне кажется, взглянуть и с другой стороны. А именно: иногда из-за нерадивости и недобросовестности спортивных руководителей или из-за желания быть впереди подаются явно дутые цифры. Вот тут-то, как и во всей спортивной работе, нужен контроль. И не только контроль. Надо зачислять в разряд спортсменов только тех, кто регулярно занимается в спортивных секциях, выступает на соревнованиях, а не тех, кто раз в год пробежал 100-метровку.

Теперь о школах. Любовь к спорту должна там прививаться с первых же дней. Как правило, если во главе школы стоит руководитель, любящий спорт, там есть и спортсмены. Правда, этому руководителю приходится частенько выдерживать баталии с классными руководителями и с предметниками: дескать, спорт отнимает много времени и энергии у детей, поэтому они хуже учатся. Но все это пустые слова, так как спорт закаляет организм, дисциплинирует, отвлекает от беготни по улице, от курения и т. п. Я за то, чтобы спорт был в школе на пьедестале почета! А для этого необходимо резко увеличить количество учебных часов: вместо двух в неделю ввести ежедневные уроки физкультуры.

Но здесь возникает большое «но». Где взять преподавателей? Начнем с педагогических училищ. Мы знаем, что они готовят учителей начальных классов. Почему же не дают эти училища преподавателей физкультуры в начальных классах? А ведь детям в первых четырех классах физкультура, и притом грамотная, нужна как воздух.

И снова кадры... Я сошлюсь на сельские школы Карагандинской области. Ведь редко в какой школе имеются преподаватели физкультуры. В большинстве школ уроки ведутся кое-как, и у детей появляется не любовь, а отвращение к спорту.

Но кадры для сельских школ еще не все. Нужна материальная база для физкультурных занятий. Залов во многих школах нет, а спортинвентаря и того меньше. Во многих школах оборудуют кабинеты физики, биологии, а залы оставляют на последнюю очередь.

Ю. МАТКОВСКИЙ,
преподаватель истории

Казахская ССР,
Карагандинская область. Коксун.

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки О. КОРОВИНА.

ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ

Очень скоро пришел Себастьян. Вероятно, Лошадник — его кличка. Павел давно обратил внимание, что здесь вообще в моде прозвища. Он несколько раз слышал, как в разговорах упоминались цветистые клички явно неофициального происхождения: Монах, Музыкант, Цицерон, Одуванчик и так далее. Некоторые из прозвищ давались по принципу от обратного: Леонид Круг говорил Павлу, что Монахом звали шефа всего этого заведения, а он, по слухам, был выдающимся бабником.

Стоило чуть отвлечься, и Павел почувствовал, что ему стало легче, словно его выпустили на минуту подышать свежим воздухом... Леонид Круг говорил, что полезно перед испытанием на детекторе напиться как следует. Но если б знать...

Пока врач снимал с Александра чувствительные щупальца детектора, Павел старался представить себе устройство аппарата: проявить любопытство к какому-то непонятному явлению — значит наполовину уменьшить страх перед ним.

Гофрированная трубка фиксирует дыхание и работу сердца. Гладкая трубка на руке снимает артериальное давление. А для чего пористые подушки на ладонях? Леониду Кругу брат объяснял, что они реагируют на отделение пота. Три датчика — три самописца.

Можно было сообразить, что действие детектора основано на простом факте: нервная система, регулирующая деятельность человеческого организма, не подчиняется тому, что условно называется волей. Но все же она существует, воля. И не так уж она условна...

Себастьян, Александр и врач, стоя у окна, о чем-то посовещались. Потом Себастьян придвинул к креслу белый столик врача.

Врач намотал на валик аппарата рулон миллиметровки и сказал Павлу:

— Садитесь в кресло, закатайте рукав.

На Павла были наложены трубки, врач приладил зажимы, укрепил на ладонях пористые резиновые подушечки, предварительно окунув их в банку с раствором. И сел за стол напротив.

Себастьян и Александр стали у Павла за спиной так, что он их не видел.

— На все вопросы, которые вам зададут, отвечайте только «да» и «нет»,— сказал врач.— Или «да», или «нет». Смотрите мне в глаза.

— Начнем с ключа? — спросил Себастьян.

— Можно с ключа.

Себастьян написал на ленте цифры от одного до десяти.

Врач снял с правой руки Павла зажим и подушечки, подвинул к краю стола листок бумаги и карандаш.

— Сейчас мы проделаем то, что вы уже видели,— сказал он.— Задумайте любую цифру. Запишите на бумаге и спрячьте. Мы отвернемся.

Все трое отвернулись. Павел вывел тройку, сложил и сунул листок в карман брюк.

— Можно,— сказал он заговорщически, как будто все они играли в какую-то занятную детскую игру.

Себастьян включил аппарат.

— Итак, во всех случаях, даже когда я назову вашу цифру, говорите «нет»,— предупредил врач.

— Валяйте,— отвечал Павел.

— Один?

— Нет.

— Два?

— Нет.

— Три?

— Нет.

После проверки ленты врач сказал небрежно:

— Вы задумали тройку.

Павлу сделалось не по себе. Значит, аппарат работает точно. Значит, эти проклятые самописцы дергаются на ленте, когда он говорит «нет» на задуманной цифре. И это послужит ключом для расшифровки записи допроса. Самописцы будут так же дергаться всякий раз, как он произнесет неправдивое «нет»... Неужели нельзя их обмануть?

— Еще разок? — спросил Александр.

— Да,— сказал Себастьян.

На этот раз Павел загадал единицу. Процедура повторилась Но теперь врач изучал ленту очень долго. Он хмурил брови, покусывал нижнюю губу и молчал. Наконец заговорил, но в голосе его уже не было недавней уверенности.

— Ваша цифра три.

— Нет,— радостно объявил Павел.— Ей-богу, нет! Вот посмотрите.

Себастьян двумя пальцами вытянул скомканный листок из его кармана, развернул. Там стояла единица. Врач сказал:

— Повторим ключ в конце. Это бывает, когда задумана первая цифра...

Павел посмотрел в окно. На улице както сразу потемнело. Тучи с моря успели приплыть и сюда. Пошел крупный прямой дождь. Но гроза все не начиналась.

Врач задернул шторы на обоих окнах, включил свет.

Себастьян и Александр снова встали у Павла за спиной, врач сел за столик напротив.

— Теперь вы будете отвечать на вопросы,— сказал он.— Говорите только «да» или «нет». Смотрите мне в глаза.

Себастьян включил детектор.

— Вы родились в Москве? — задал первый вопрос Александр.

— Да.

— Ваш отец жив?

— Нет.

— Вы коммунист? — Это спросил уже Себастьян.

— Нет.

— Вы сидели в тюрьме?

— Да.

— Вам нравится здесь?

— Нет.

— Вы любите вино?

— Да.

— Вы служили в Советской Армии?

— Нет.

— Вы служите в органах госбезопасности?

— Нет.

— У вас есть дети?

— Нет.

— Вы коммунист?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—45.

— Нет.

Себастьян выключил детектор. Врач встал, подошел к Павлу, выпустил воздух из трубки, стягивавшей руку, подождал с полминуты и снова накачал ее грушей.

— Ну как, хорошо я отвечаю? — спросил Павел.

— Очень хорошо, отлично, — саркастически сказал врач.

Павел быстро перебирал в уме десять заданных ему вопросов, вспоминая их последовательность. Отвечал спокойно. Он знал это, потому что ни разу не услышал ни одного толчка собственного сердца. Значит, не волновался. Раньше, давно-давно, иногда бывало так, что он начинал слышать свое сердце.

Он старался угадать в последовательности вопросов какую-то систему. Но ее, кажется, не было. Разве что расчет на неожиданность важного вопроса...

— Продолжим, — сказал врач.

У Павла затекли ноги, он разогнул и снова согнул их. Мышцы на плечах ныли, хотелось потянуться, но тут ничего нельзя было поделать. Привязанный к детектору тремя парами электрических проводов, он чувствовал себя скованным.

Начиналась вторая серия вопросов. Открыл ее Себастьян.

— У вас есть мать?

— Да.

— Вы любите ее?

— Да.

Он спрашивал размеренно, спокойным голосом. И вдруг Александр, нарушив привычный ритм, спросил скороговоркой:

— Зароков работает шофером такси?

Павел отвел глаза от лица врача, повернул голову к толстяку.

— Я не знаю, как тут отвечать. Не знаю никакого Зарокова.

Обернувшись, Павел увидел, что оба — и Себастьян и Александр — держат в руках раскрытые блокноты. Значит, вопросник был составлен заранее.

— Ну ладно, пошли дальше, — сказал врач.

— Вы коммунист? — спросил Себастьян. Этот вопрос задавался в третий раз. Павел крикнул что было сил:

— Нет!

— Не орите, молодой человек, — попросил Александр. — Спокойнее.

— Вы ездили за пробами земли? — спросил Александр.

— Да.

— Вы вор?

— Да.

— У вас есть жена?

— Нет.

— Леонид Круг получал телеграмму в доме отдыха?

— Да.

— Дембович познакомился с вами в ресторане?

— Да.

— Вы сегодня завтракали?

— Да.

— Вы рассчитывали попасть за границу?

— Нет.

Врач поднялся из-за стола и опять выпустил воздух из трубки на руке, вероятно, чтобы дать ей отдохнуть, потому что рука от локтя до ногтей онемела и сделалась синюшного цвета.

Вторая серия кончилась, и теперь уже можно было разглядеть определенную систему. Рядом с безобидными вопросами, ответ на которые им заранее известен — ведь Павел дважды давал письменные показания, — ставился вопрос по существу. Лживые «да» и «нет» будут на диаграмме отличаться от стоящих рядом правдивых.

Врач накачал воздух в трубку. Значит, будет еще одна серия. В кабинете стало душно.

— Вас зовут Павел?

— Да.

— Вы Матвеев?

— Да.

— Вы умеете стрелять из пистолета?

— Нет.

— Вы чекист?

— Нет.

Павел смотрел на зеркальные стекла очков сидящего перед ним врача и начинал испытывать раздражение. Свет яркого плафона отражался в очках двумя яркими бликами, резал глаза, хотелось увернуться в сторону, как от слепящего солнечного зайчика. Глаз врача не было видно.

— Sprechen Sie deutsch?

— Нет.

Себастьян выключил аппарат.

— Почему вы отвечаете, если не говорите по-немецки?

Павел устало улыбнулся.

— Это выражение я понимаю. Я уже говорил: в школе проходил немецкий.

Врач ослабил трубку на руке, снял зажим.

— Поднимите руку вверх, — сказал он, — пошевелите пальцами.

За окнами шумел дождь. Едва лишь Павел прислушался к этому ровному шуму, как все происходящее представилось ему чем-то неестественным, не имеющим никакого смысла. Хотелось сбросить с себя эти сковывающие провода и сказать громко: «Довольно ваньку валять, пижоны!» Если б это была только игра!..

Приступили к четвертой серии. Она заняла меньше времени, чем предыдущая.

После перерыва была пятая серия. Все вопросы оказались пустыми, кроме двух. Себастьян опять спросил, не коммунист ли и не чекист ли Павел.

Затем трижды повторили фокус с цифрами. Врач просил не загадывать единицу. Павел задумал сначала семерку, а потом — дважды пятерку. Врач отгадал лишь семерку. Два раза он ошибся.

Павел заметил, что все трое не очень-то довольны. Вероятно, они получили не слишком надежный ключ для расшифровки ответов.

Когда врач распахнул шторы, дождь еще продолжался, но стало заметно светлее. Тучи сваливались на юг, оставляя после себя редкие темные космы.

Александр взглянул на свои часы, и Павел успел увидеть, что было уже четыре.

Себастьян ушел, не попрощавшись, а толстяк позвонил по телефону насчет автомобиля.

— Поедем, отвезу вас домой. — В его тоне, когда он обращался к Павлу, совсем не было недоброжелательства. Даже трехчасовая вахта у детектора не испортила ему настроения.

Обратно ехали молча. Только раз Александр пожаловался, что страшно проголодался.

...Леонид Круг давно пообедал, но против обыкновения не спал. Видно, ждал возвращения Павла.

— Допрашивали? — спросил он, когда Павел устало опустился на свое кресло-кровать.

— Угу.

— Детектор?

— Да.

— Похоже на то, как я говорил?

— Похоже. Но только намного хуже.

Павел сидел, глядя на свои сложенные в пригоршню ладони. Они высохли, и на коже был виден белый налет. Он лизнул правую ладонь, сплюнул, выругался.

— Соль, что ли? — Вытер ладони о брюки, стряхнул с брюк белую пыль.

Круга интересовало только то, что касалось переправы. Павел успокоил его.

— Насчет той ночи было несколько вопросов. Отвечал, как договорились.

— Иди пообедай.

Но есть Павлу не хотелось.

— Давай лучше поспим.

Сняв туфли и брюки, он лег, укрылся простыней. Круг не успел докурить свою сигарету, а Павел уже храпел. Он действительно чувствовал себя очень уставшим.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

На следующий день приехал Виктор Круг. Павлу бросилось в глаза, что старший брат выглядит сегодня как будто моложе меньшого. И голос вроде бы помолодел, стал бодрее.

По обычаю Павел оставил братьев вдвоем. Спускаясь вниз, он рассудил, что, может быть, Виктор привез какие-нибудь вести о

результатах вчерашнего допроса. Конечно, наивно было бы рассчитывать, что расшифрованные показания детектора становятся достоянием большого числа людей, но Виктор-то должен был поинтересоваться, тем более что часть показаний имеет прямое отношение к его родному брату.

Виктор пробыл недолго. Когда его машина отъехала, Павел заставил себя побродить по саду еще немного, а потом поднялся на второй этаж.

Леонид, можно сказать, сиял и светился. Должно быть, старший брат передал ему свое бодрое настроение, как эстафетную палочку. Павел подумал, что было бы не плохо, если б братья и его включили в свою команду.

В последние дни Леонид частенько жаловался, что у него сильно чешется левая нога, и эти жалобы звучали жизнерадостно: раз чешется, значит, дело пошло на поправку. Но Павел про себя отметил, что гораздо больше у Леонида стал чесаться язык. Он сделался болтливым. И не мудрено: тринадцать лет вынужденного скрытничанья когда-нибудь должны же вызвать реакцию. Самое важное из последних известий, услышанных Павлом недавно, касалось Себастьяна. Леонид под большим секретом сообщил, что Себастьян и еще два сотрудника этого разведцентра — американцы. Себастьян здесь в качестве советника, но фактически — второй хозяин...

Можно было не сомневаться, что Круг сейчас выложит все, что узнал от брата. И даже не понадобится вызывать его на откровенность.

Едва Павел вошел, Леонид начал рассказывать новости. Как стало известно Виктору, показания Павла в части, касающейся их обоих, признаны правдивыми. Насчет остального Виктор ничего не сказал. Но и это уже много. Значит, детектор можно одурачить. И вообще, кажется, этот аппарат бывает не мудрее обыкновенной кофейной мельницы, когда натыкается на твердого человека.

Еще Леонид сообщил, что от парня, который организовал его переправу, больше не было ни одной вести. У Виктора из-за этого возникли неприятности, потому что отец того парня, упрямый старик, считает Виктора виновным в провале сына. Но теперь все в полном порядке. Старика поставили на место.

Павел за неимением других занятий давно начал изучать Леонида Круга. Ему доставляло удовольствие предугадывать реакцию своего партнера на те или иные явления их не слишком-то богатой событиями жизни. Когда Павел ошибался, он склонен был считать Круга личностью не совсем пошлой. В таких случаях Кругу нельзя было отказать ни в уме, ни в душевной оригинальности. Но бывали моменты, когда он выглядел примитивным, как тумбочка возле его постели.

Леонид жаждал дружеского общения.

— Знаешь,— сказал он, покончив с новостями,— давай побреемся.

Обычно они брились электрической бритвой, которую подарил им на двоих Виктор, но иногда Леониду приходила охота, как он выражался, срубить бороду, то есть побриться старомодной опасной бритвой. Это напоминало ему времена лесной жизни. В таких случаях Павел брал у садовника Франца его бритвенные принадлежности и срубал Леониду бороду.

Когда Павел намылил одну щеку, на лестнице послышались незнакомые шаги и в дверях появился плечистый молодой человек. Он был выше Павла на целую голову. Посторонившись, он пропустил в комнату Клару.

— Вы поедете с ним,— сказала она Павлу.

Павел показал бритвой на намыленную физиономию Леонида, но гость покачал головой и постучал пальцем по часам.

— Придется тебе самому,— сказал Павел Леониду.— Не обрежься без зеркала. Или подожди меня.

Он вышел следом за Кларой и молодым человеком. Они спустились по лестнице. Клара осталась на крыльце.

Когда Павел шагнул за ворота и увидел машину, которую за ним прислали, он подумал, что Леонид, пожалуй, долго будет ждать его на сей раз. Машина напоминала те малоуютные экипажи, в которых перевозят преступников.

Его провожатый открыл заднюю дверцу, выдвинул ступеньку и пригласил Павла садиться. В кузове по бокам тянулись узкие мягкие диванчики. Павел опустился на диванчик справа. Провожатый закрыл дверцу, щелкнул выключателем — на потолке зажегся свет — и сел слева, напротив Павла. Затем постучал в переднюю стенку, и машина тронулась.

Павел уже научился определять время без часов, так как его часы стояли с той самой ночи, а новых ему не дали. Но это было легко в нормальных условиях, особенно если день солнечный, а жизнь течет размеренно. В глухой коробке, мчащейся на шуршащих шинах неизвестно куда, течение времени совсем не то, за ним очень трудно уследить.

Они ехали, может, час, может, два, а то и все три. И ехали быстро, хотя ощущение скорости тоже очень обманчиво, если едешь в хорошо закупоренном ящике.

Когда они остановились и провожатый распахнул дверцу, Павел убедился, что завезли его гораздо дальше, чем он думал. Солнце, казавшееся после сумрака камеры на колесах нестерпимо резким, уже висело низко над горизонтом.

Кирпичное приземистое одноэтажное здание, возле которого остановилась машина, было явно нежилым. Оно больше походило на казарму или на больничный барак. Часть окон по фасаду белела матовым стеклом. Рядом с домом были гаражи и еще какие-то строения. Вся территория, вплоть до окружающей ее высокой кирпичной ограды, залита асфальтом. Вокруг за оградой редкие сосны.

По сравнению с уже знакомыми Павлу местами это местечко выглядело крайне неприветливо.

Провожатый показал на входную дверь. Вошли в нее.

По коридору прямо, потом направо.

Лестница, ведущая вниз. Ступени железные и узкие, как в машинном отделении корабля.

Один марш, другой, третий, четвертый... Под первым этажом дома, оказывается, есть еще три. А может, гораздо больше. Они сошли с лестницы в коридор на третьем, но лестница опускалась глубже.

Стены бетонные, сухие. Пол покрыт мягкой, пружинящей под ногами дорожкой. С потолка льется белый люминесцентный свет.

Тихо так, что слышишь дыхание идущего впереди.

Справа начались двери, странные для дома, даже если он и подземный. Они были обальной формы, покрыты голубоватой эмалью. Ручки как у холодильника.

Провожатый остановился у двери, на которой черной краской была выведена римская пятерка. Потянув за ручку, как за рычаг, он открыл дверь, и Павел удивился: она была толстая, будто служила входом в барокамеру, с резиновой прокладкой.

За дверью оказался просторный тамбур, а за тамбуром — другая дверь, обычной формы, но узкая и с вырезом на уровне лица, прикрытым козырьком из пластмассы.

Провожатый нажал одну из многих кнопок справа от двери — она беззвучно ушла в стену.

Не дожидаясь специального приглашения, Павел ступил в открывшееся перед ним замкнутое пространство, а когда оглянулся, дверь была уже закрыта.

Не сразу можно было сообразить, что находишься в комнате. Пол, стены и потолок были неопределенного, мутно-белесого цвета. Такое впечатление, будто попал в густой туман или в облако.

В длину — десять шагов, в ширину — шесть.

На короткой стене, прямо против двери, на высоте пояса — полка, которая, по всей вероятности, должна служить кроватью. На ней резиновая надувная подушка.

В углу слева, у той стены, на которой дверь, в пол вделана белая изразцовая раковина. Из стены торчит черная эбонитовая пуговка.

Больше ничего нет.

Свет — белесый, как стены,— исходит из круглого иллюминатора на потолке.

Тишина...

У Павла зазвенело в ушах. Он сел на пол, прислонившись спиной к стене.

Ждал ли он, что с ним произойдет нечто подобное? Ждал, безусловно. Уж слишком гладко шло все до сих пор, невероятно гладко.

Он не был бы удивлен, если бы его посадили в тюрьму сразу по приезде. Это выглядело бы вполне закономерно. Более удивительно как раз то, что они так долго его не сажали.

Почему же его посадили в тюрьму именно сегодня, а не вчера и не позавчера? Имеет ли это какое-то отношение к результатам вчерашнего допроса?

А может быть, содержание в подземной тюрьме — обычная, предусмотренная правилами мера, применяемая к каждому, кто волею судеб вошел с хозяевами тюрьмы в контакт, подобно ему, Павлу? Долго ли его здесь продержат, и какой режим приготовили ему? Судя по общему стилю тюрьмы, его ждет нечто достойное космического века. Но что толку гадать? Ему придется принять здешние условия, что называется, безоговорочно. Для них он вне закона. Его можно уничтожить в любой момент, и никто никогда не узнает об этом.

Павел встал, подошел к полке, потрогал ее. Полка обита губкой, спать на ней будет не так уж жестко. Он ртом надул подушку, прилег, чтобы примериться. Ничего, сойдет. Правда, нет одеяла. Но если все время будет тепло, как сейчас, то одеяло не очень-то необходимо.

Неожиданно Павел почувствовал, что хочет спать. И не стал сопротивляться дремоте. «Придется Леониду Кругу бриться самостоятельно,— подумал он, усмехнувшись.— Какое сегодня число? Третье августа. Третье августа 1962 года...»

Мать на даче, наверное, уже собирает понемножку черную смородину, варит варенье. Что-то делают товарищи? Думают ли о нем? Конечно, думают, что за вопрос! Но им труднее представить его мысленно: они не знают, где он, что с ним, не знают обстановки, его окружающей. А он все знает, ему легко представить их живо, как наяву. Вспомнилось почему-то, как по воле Дембовича он сидел под домашним арестом, под надзором у старухи, и тогдашняя тоска показалась ему праздником.

Третье августа, тридцать седьмой день его пребывания на чужой земле. Вернее, теперь уже под землей...

Его разбудила музыка. Духовой оркестр играл траурный марш. В первую секунду он подумал, что слышит оркестр во сне, но, открыв глаза и увидев себя в этой словно бы насыщенной белесым туманом камере, вспомнил, где находится, и прислушался. Траурная мелодия звучала тихо, но очень отчетливо. Павел попробовал определить, откуда исходит звук, встал, прошелся вдоль всех четырех стен и не отыскал источника. Звук исходил отовсюду, он был стереофоническим, и это создавало иллюзию, что музыка рождается где-то внутри тебя, под черепной коробкой.

Он попробовал зажать уши. Музыка стала тише, но все же ее было слышно.

Мелодия кончилась. Трижды ударил большой барабан: бум, бум, бум! И снова та же траурная музыка.

Павел начал ходить по камере, считая шаги. Досчитав до двух тысяч, сел на полку. Посидел. Потом прилег. Музыка не умолкала. Время от времени через одинаковые промежутки троекратно бухал барабан.

Он опять почувствовал дремоту и забылся.

Очнулся от легкого озноба. Хоть и тепло в камере, но без одеяла как-то зябко

спать, непривычно. Траурная мелодия впиталась в него, и было такое чувство, что, выйди он сейчас наружу, все равно музыка будет звучать в голове, он вынесет ее с собой, он налит ею до краев, и сосуд запаян — не расплескаешь.

Павел одернул себя: не рановато ли психовать? Если это пытка, то она только началась.

Послышался посторонний звук. Пластмассовый козырек, прикрывавший снаружи широкий вырез в двери, был откинут. На Павла смотрели спокойные глаза. Они исчезли, и в вырез вдвинулось нечто похожее на поднос. Павел вскочил, подошел и принял поднос из гибкого белого пластика. Он был голоден и обрадовался, что его собрались покормить, но содержимое подноса мало походило на съедобное. Со странным чувством глядел Павел на синюю булочку и на четыре синие сосиски. Поставив поднос на полку, разломил булочку. Она была и внутри ядовитого синего цвета. Он брезгливо отломил кусок, пожевал — по вкусу булочка была выпечена из нормальной белой муки. Пресновата немного, но есть можно. Сосиски тоже имели нормальный вкус. Но цвет, цвет...

Он съел все это, зажмурясь. Потом отдал через щель поднос и получил низкую широкую чашку с кофе. Кофе был настоящий, натуральный, натурального цвета.

Итак, теперь ясно, что ему предстоит. Жизнь вне времени в обесцвеченной музыкальной шкатулке и причудливо расцвеченная пища. Это могли придумать только люди с воображением параноика.

СЕБАСТЬЯН НАВЕЩАЕТ ПАВЛА

Павел не мог бы сказать, сколько дней и ночей продолжается его заключение. Время можно было бы хоть приблизительно измерять промежутками между завтраком, обедом и ужином. Но ни завтраков, ни обедов, ни ужинов в привычном смысле слова здесь не было. Его кормили в неопределенные часы, никакой регулярности не соблюдалось. И пища была однообразна, как музыка.

Он оброс бородой и очень похудел.

Он отдал бы десять лет будущей жизни, чтобы только знать, какое сейчас число, сколько времени.

Зарядку делать перестал, потому что это было бессмысленно. Ее нужно делать утром, а у него нет утра, нет дня, нет ночи. Ничего. Только похоронная музыка, барабан и белый люминесцентный свет.

Павел шагал из угла в угол, когда музыка вдруг умолкла. Это испугало его сильнее, чем может испугать человека пушечный выстрел, раздавшийся в полной тишине.

Павел вздрогнул и застыл, напряженно приподняв плечи. Было невероятно тихо. Он слышал, как часто бьется у него сердце.

Вместо музыки возникло шипение, а потом он услышал русскую речь. Это было невероятно!

Сначала он не осмысливал слов, просто слушал, впитывая их всем существом, и лишь постепенно сообразил, что скрытые в стенах динамики воспроизводят магнитофонную запись его допроса на детекторе. Своего голоса он не узнал, зато хорошо узнал голоса Себастьяна и Александра.

Снова шипение, и разговор повторился. Это была вторая серия вопросов. Павел слушал, боясь пропустить хоть звук. «У вас есть мать?» «Да». «Вы любите ее?» «Да». «Зароков работает шофером такси?» «Я не знаю, как тут отвечать. Не знаю никакого Зарокова». «Ну ладно, пошли дальше». «Вы коммунист?» «Нет!» «Не орите, молодой человек. Спокойнее». «Вы ездили за пробами земли?» «Да». «Вы вор?» «Да». «У вас есть жена?» «Нет». «Леонид Круг получал телеграмму в доме отдыха?» «Да». «Дембович познакомился с вами в ресторане?» «Да». «Вы сегодня завтракали?» «Да». «Вы рассчитывали попасть за границу?» «Нет».

От наступившей тишины Павел оглох. Он не мог понять, то ли действительно потерял слух, то ли тишина настолько глубока и безгранична, что можно слышать ток крови в жилах. Тревога начинала овладевать им. Он с сожалением отметил, что в эти моменты перестал наблюдать за своим настроением словно бы со стороны, как делал все время. Внезапная перемена вышибла его из колеи... Нельзя терять контроль над собой в его положении. Чуть ослабишь тормоза — и покатишься под уклон неудержимо.

Для чего им понадобилось напоминать ему о допросе? Хотят этим сказать: голубчик, ты попался?

Павел смотрел на дверь, когда она открылась. Впервые за... за сколько же дней? В камеру вошел Себастьян. Внимательно оглядел Павла, и по выражению его красивого лица можно было понять, что он нашел заключенного именно таким, каким ожидал найти. Во всяком случае, не удивился. Одет он был безукоризненно. Принес с собой запах табака и свежей зелени.

— Ну, как дела? — спросил Себастьян, и его голос донесся как сквозь подушку.

В горле у Павла пересохло. Он не мог вымолвить ни слова, он, похоже, разучился говорить.

— Какое сегодня число? — наконец произнес он.

— Не имеет значения, — ответил Себастьян, но, подумав, прибавил: — Вы здесь уже пять дней.

Павел отказывался верить. Не может быть, чтобы эта нескончаемая пытка длилась так мало и измотала его так сильно за столь короткий срок! Он сообразил, что Себастьян врет с расчетом. Чтобы сбить с толку, подавить остатки уверенности. И больше решил ни о чем не спрашивать.

Но неожиданно вспышка гнева разбила спокойствие.

— Зачем меня здесь держат? Что я вам сделал? — закричал он.

Себастьян покачал головой.

— Не надо на меня кричать. Я могу уйти. — Сейчас в нем не чувствовалось его постоянной холодности. Скорее он был снисходителен. — Прошу ответить: почему вы не желаете сказать, что знаете Михаила Зарокова?

Этот вопрос вернул Павлу равновесие. Если они считают его контрразведчиком или разведчиком, то должны понимать, что такой вопрос задавать бесполезно. Признаться, что он знаком с Михаилом Зароковым, все равно что подписать себе приговор. Слишком просто все было бы. Не такие же они наивные. Значит, его подозревают, но сомневаются.

— Я не знаю такого человека, никогда не знал, — сказал Павел.

— Ну, хорошо. Можно еще посидеть, можно вспомнить. — Себастьян был совсем покладистым. — Будем говорить о другом. Садитесь.

— Я постою, — сказал Павел.

Себастьян присел на его полку.

— Вы можете хорошо вспомнить место, где брали землю и воду?

— Могу рассказать подробно.

— Я слушаю.

— Ехать надо так...

Рассказывая, он старался не выдать голосом своего волнения. То, что они заинтересовались историей добычи проб, застало его врасплох. Не для протокола нужны им эти топографические подробности.

Выслушав, Себастьян дал Павлу блокнот и ручку и велел нарисовать план станции, ее окрестностей, отметить кружочком, где он брал землю и воду.

Уходя, Себастьян задержался в дверях, спросил, не оборачиваясь:

— Так вы не знакомы с Михаилом Зароковым?

— Нет.

— А он о вас докладывал.

Павел пожал плечами.

Дверь неслышно закрылась за Себастьяном. И в ту же секунду в камере грянула музыка.

Павел начал вышагивать по камере, глядя в пол и не видя его.

Неужели они настолько серьезно к нему относятся, что решили ради его разоблачения проверить подлинность проб? Если они возьмут повторную пробу, ему крышка. Ведь та земля и вода, которые они получили через его руки, были обработаны в лаборатории, а эти будут настоящими.

Продолжение следует.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ!

ПУЛЬС КОНЪЮНКТУРЫ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Ничего не поделаешь, придется говорить о белье, в том числе и о женском. Но именно эту продукцию выпускает кишиневская трикотажная фирма «Стяуа Рошие», в переводе с молдавского — «Красная Звезда».

Фирме этой от роду два года. Она объединила несколько фабрик, среди которых, между прочим, и бывшая ковровая фабрика, превращенная в чулочно-носочную. Превращение это было произведено по той причине, что торгующие организации наотрез отказались брать молдавские ковры. Почему? Не пользуются спросом. Факт весьма странный, если учесть, что коврами Молдавия славилась издавна и что у мастеров-ткачей много поклонников. Теперь, когда бывшая ковровая фабрика выпускает чулки и носки, выяснилось, что ковры тоже нужны. Почему? Появился спрос.

Хотя история эта и не имеет непосредственного отношения ни к фирме «Стяуа Рошие», ни к необычному инженеру, о котором пойдет речь, все же она вызвала у руководителей фирмы немало мыслей о рыночной конъюнктуре, об изучении потребительского спроса и о серьезном перспективном планировании.

Когда до объединения существовала одна лишь чулочно-бельевая фабрика «Стяуа Рошие», чье имя приняла вся фирма, ее продукция реализовывалась без трудностей и в самой республике и за ее пределами. Но как будет дело дальше, если производство возрастет в два раза? Как угадать, какой приговор вынесет неподкупный судья — спрос? Вопрос не простой. До объединения выпускалось 17 миллионов пар чулок, а в 1966 году их будет уже 32 миллиона. То же и с бельем: производство от 7,4 миллиона штук в шестьдесят третьем до 14 миллионов в шестьдесят шестом.

Это и заставило задуматься над сбытом продукции. Особенно беспокоили чулки. Простые хлопчатобумажные, от которых и без того ломятся полки в магазинах и которые сейчас продашь с трудом. Раз не эти, то какие? Положение с майками тоже сложное. Какие по вкусу покупателям? И стоит ли полностью полагаться на мнение продавцов? Прислушаться к их советам, разумеется, нужно, но с коврами они что-то напутали, чего-то не учли. А тут еще одна история — с мужскими сетками. Представители торговли неожиданно заявили, что отказываются принимать эти всем известные и весьма удобные в жару майки. Почему? Ответ один: «Нет спроса!»

Пришлось подчиниться и снять их с производства. И вдруг в новых заявках торговой сети опять сетки. Объяснение? Вы, конечно, догадались — «появился спрос». Загадочная история. Но если не найти разгадку, то вся деятельность фирмы может пойти прахом.

Руководители «Стяуа Рошие» понимали: реализация продукции — основа основ успехов предприятия, и многие вопросы, считавшиеся прежде маловажными, приобретают первостепенное значение. Речь шла о расцветках, размерах, фасонах — словом, о том, что и определяет конъюнктуру, потребительский спрос.

Так на фабрике появился необычный инженер. Его назвали инженером по конъюнктуре. В штатную ведомость «Стяуа Рошие» вписали новую должность. Совнархоз согласился на это в виде опыта, тем более что фирма стала поставлять свою продукцию непосредственно в магазины Кишинева и других городов республики, минуя базы, и получала таким образом возможность повседневного общения с покупателями.

Кому же быть необычным инженером? Над этим думали немало, пока не остановились на кандидатуре Валентины Сергеевны Пихун. Кто она? Молодой специалист, окончила текстильный техникум, энергичный, деловой человек, отлично знает технологию и оборудование, знакома с ассортиментом выпускаемых изделий и еще — это очень важно — пользуется авторитетом в коллективе.

Правда, об одном Валя имела весьма приблизительное представление. Что такое конъюнктура и что с нею делать? Чтобы выяснить это, она пошла в магазины и встала за прилавок. Не на день и даже не на месяц. Продавщицы были ее подружками, и то, чего не углядит или не услышит она сама, они ей обязательно расскажут. И узнала она очень много. Нет, это не был практиковавшийся и раньше показной выход к потребителю, выход скорее для рекламы, нежели для дела. У Вали была всего одна, но весьма трудная задача: познакомиться поближе с загадочным и капризным вершителем судеб производства — спросом.

И сразу неожиданность. Лето, а на полках толстенные кипы женских купальников. Невероятно, но факт. Правда, факт с изъяном: купальники мрачно-коричневого цвета.

Валя Пихун дала фирме первую рекомендацию. Цвет изменили — и купальники получили зеленую улицу. С тех пор вся цветовая гамма находится под неусыпным наблюдением инженера по конъ-

---

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

НОВЫЕ

ЦЕРКОВЬ СВ. ДУХА

В церквушке полутемно.
Паук заселил окно.
Ангелочками
в тихом свете
Стояли белые свечи.

Детские голоса
Пели «Свете тихий».
В иконах таращат глаза
Святые и святихи.

А за спиною попа
Среди тарелок и кружек
Мелкая толпа
Старичков и старушек.

Ноги в серой пыли,
Рабски опущены выи...
Милые, с чем вы пришли?
Ведь вы же сами святые.

Спросил бы я бабку Прасковью:
Ты чьей опивалася кровью?
Или вопрос Акулине:
Кого загубила в калине?
А ты, зеленый дед,
Каких натворил бед?

Но Правда всею бы Русью —
Реки, туманы, поля —
Прикрыла б любую бабусю,
Любого бобыля:
Жили-были кругом-от,
Хоть головою в омут.

Горе бежало рядом:
Деда побило градом,
Тетка Акулина
Узнала долюшку вдовью,
А бабушку Прасковью
Война решила сына.

Но старички и старушки
Лбы сокрушенно крестят,
Жмутся тихонько друг к дружке:
Легче каяться вместе.

А с купола, в масле парящий,
С тучкой, уткнувшейся в бок,
Безгрешно глядит
погрязший
В кровавых грехах
б о г.

ГАГАРИН И БОГ

Гагарин летел высоко над землей.
Сверху казались тучи золой
Отгоревших столетий.
Гагарин летел. Нахмуренный, злой:
Он бога нигде не встретил.

А на земле кровь и борьба,
А на земле не то что бобра —
Д у ш у когтят столетья!
О господи, черт бы тебя побрал,
Зачем тебя нет на свете?

ЗАКОН ПАУЛИ

В любых соотношеньях Неподвижность
Не может оставаться вечной. Тяга,
Которой мы еще не постигаем,
Возникнет меж недвижимых частиц
И властно запретит им находиться
В одном и том же мертвом состояньи.
Так. Мертвенности во вселенной нет!
Пусть паралич на миллионы лет,
Неукротимо наше мирозданье.
И трепеты забегают опять,
И вспыхнет заревое оперенье...
Какое счастье это понимать,
Хоть жить осталось, может быть, мгновенье!

ОДИНОЧЕСТВО

Улетели дети из гнезда.
Вьют свое. Ты больше им не нужен.
Но последний час твой не настал:
Не убит судьбой ты, а контужен.

Вон могилы протянули ноги.
Я шепчу последнее «прости»...
В старости друзей не обрести,
В старости мы часто одиноки.

Не горжусь я мудростью змеи,
Мудрость эта — пятачок разменный.
Вымирают
сверстники
мои!
В этом... в этом что-то от измены:

юнктуре. Что и какого цвета выпускать? Каждый раз, когда такой вопрос возникает, решающее слово почти всегда за Валей. Тут ее авторитет непререкаем. Особенно он возрос после истории с «васильком».

Новые мужские сорочки василькового цвета были выпущены к лету в виде опыта. Пойдут ли? Валя встала за прилавок универмага, когда их вынесли из кладовой. Молодые кишиневцы пришли в восторг от «василька». Сорочки расхватали. Опыт с успехом закончился, и производственники было уж успокоились.

Тут-то Валя и показала, что такое конъюнктура и какой у нее характер. Подняла всех на ноги, особенно снабженцев, и добилась, чтобы те достали краситель нужного цвета. Целый квартал фирма выпускала «василек», пока спрос на него не упал.

Стоя за прилавками, Валя узнавала и многое другое. Фирма выпускает женские блузки из трикотажного полотна. Спрашивают их в магазине часто, но не берут. Странно... Почему? Оказалось, что причина очень простая: молдаванки, как и южанки вообще,— женщины солидные. Проймы рукавов им были узки. Валя прошла немало инстанций, пока получила разрешение расширить проймы рукавов. Начали выпускать блузки больших размеров— 56-го, 58-го. Их продают теперь свыше трехсот ежемесячно.

Там же, в универмаге, Валя обратила внимание на то, что блузки с широкой полосой берут охотнее, чем с узкой. Посоветовалась с художницей фирмы Аллой Хохловой, женщиной со вкусом, знающей капризы моды.

— Да,— сказала та,— широкая полоса красивее...

— Значит, нужно делать такую ткань!

И пошли в ход блузки с широкой полосой. Моду надо уважать. Впрочем, не только уважать, но и создавать самим. Пусть она капризна, ветрена и порой очень хитро прячет свои тайны. Речь пойдет о женских комбинациях. «При чем тут мода?»—скажете вы. Оказывается, очень даже при чем. Как известно, сейчас популярны короткие женские платья. Особенно они по душе молодым девушкам. Ну, а комбинации выпускают такой длины, которая установлена еще десятки лет назад.

Вот Валя и заметила, что лежат эти комбинации тяжелым грузом на складах и в кладовых.

— Давайте делать укороченные комбинации,— предложила Валя.

— Отступление от ГОСТа. Не разрешается,— был ответ.— ГОСТ по чину выше конъюнктуры.

— Значит, он просто нерасторопный, ваш ГОСТ.

— Требуется разрешение сверху.

И инженер по конъюнктуре пошла по начальству. Один одно сказал, другой — другое. Наконец, заручившись письмами от магазинов с требованием укороченных комбинаций, она добилась их выпуска. И пошла торговля любо-дорого.

Теперь Валентина Пихун хорошо знает, что такое конъюнктура. Нужно учитывать не только особенности города, но и магазина. У каждого свой нрав. И каждому Валя сама отбирает товар, зная специфику магазина и требования его покупателей. Она научилась угадывать самые хитрые повадки спроса. Но даже Валя порой становится в тупик и беспомощно разводит руками.

Сейчас инженер по конъюнктуре озабочен детскими пижамками. Я увидел их в цехе в руках технолога Светланы Маналаки и Вали Пихун. Красивая пижамка для ребенка лет четырех. Из вискозного шелка с начесом. Мягкая, теплая.

— Придется снять с производства,— с грустью говорит Валя.

— Почему?— спрашиваю.

— Нет спроса, магазины не хотят брать...

— Но пижамка, по-моему, симпатичная...

Тогда передо мной положили одну кофточку, убрав брючки.

— Цена—рубль шестьдесят две копейки. Не дорого, правда?

— Нормально.

Теперь к кофточке добавили брючки — получилась полная пижамка.

— Цена — восемь рублей восемьдесят копеек. Теперь как?

— Значит, штанишки стоят... семь рублей восемнадцать копеек?!

— Вероятно, ошибка в прейскуранте...— неуверенно говорит Валя.— Пришлось всю партию послать в Красноярск в расчете на суровые сибирские морозы.

Я видел этот прейскурант № 068 розничных цен на трикотажные изделия для городской торговой сети, введенный в действие с 1 января шестьдесят первого года. Все точно: 1 рубль 62 копейки и 8 рублей 80 копеек.

Забавная арифметика!

Было это еще до сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Теперь кишиневские трикотажники убеждены, что подобная несуразица в будущем вообще невозможна.

— Вот она, злополучная детская пижамка!—говорит Светлана Маналаки Вале Пихун.

Фото Н. Пруссакова (ТАСС).

СТИХИ

С ними умирает пламя духа,
Родственного в красках и чертах.
Но остались у меня два друга —
Тихий океан и Чатырдаг.

Стоит только вспомнить мне о них,
Хлынет в душу радостная сила.
Что же я сединами поник,
Даже если смерть меня носила?

Смертный, я бессмертьем обуян.
Кто сейчас мой кругозор измерит?
Молодым мечтаньям не изменит
Чатырдаг и Тихий океан.

ЧЕЛОВЕК И СМЕРТЬ

Я подавил в себе звериный ужас
Перед небытием. Я смерти не боюсь.
Пускай моей идеи неуклюжесть
Смутит ученых сухарей. Я бьюсь
Над тем, чтоб весь народ сообразил,
Что все мы были, есть и будем!
Поэтому-то в меру своих сил
Смертеупорное внушаю людям.
При том не становлюсь я на котурны,
Не вижу вечности в бессмертии семьи.
Я говорю: друзья мои,
Бояться смерти некультурно.
О, я едва лишь прикоснулся к Тайне,
Но ты бессмертьем глубь ее измерь:
Повторимость электронных сочетаний —
Вот что такое Человек и Смерть.

ГЛУХОМАНЬ

После контузии стал я глохнуть...
Вокруг тишина. Понимаю сам.
И вдруг
ослепительный грохот
Пойдет по ревущим басам.

И так секунд этак на пять.
С гулом, визгом и бряском.
(Я понимаю, что это память
О битве под Батайском).

Но дальше в ушах шелестящий шум.
Он не зловещ. Он не угрюм.
Не бьет человека шоком.
Мне даже нравится легкий обман:
В ушах, как в раковине, океан
Шумит
отдаленным
шорохом.
Так стоит ли жаловаться на шум?
Эх, глухота не горе...
Куда ни пойду — глубоко дышу:
Всюду со мной
море.

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Нежно-белокурая береза
Чуткой дремой заворожена.
Листьев ее солнечная бронза
Ранним снегом запорошена.

Но порой от ледяного пуха
Затрепещет
и едва-едва,
Более для сердца, чем для слуха,
Бухарцами зазвенит листва [1].

И подумал я, моя родная,
Что и ты в сентябрьскую тишь
Под морозцем ранним, чуть седая,
Все же теплым золотом звучишь.

ОСЕНЬ

Золотая звонница березы
В черных елях, словно бы в скиту.
Я впиваю, погруженный в грезы,
Бледно-голубую высоту.

Хочется отшельником побыть,
С думами собраться на досуге,
Вспоминать приятное о друге,
О врагах на время позабыть.

Не за то ли осень нам мила,
Хоть и дни становятся короче,
Что, витая вне добра и зла,
Чувствуешь себя таким хорошим?..

Но и быт своей огромной глыбой
Входит в мир святошей и предтеч:
Осень пахнет спиртом, пахнет рыбой,
Золотым загаром женских плеч.

[1] Бухарец — крупный бубенец.

УРОКИ РОДЕНА

С. Т. КОНЕНКОВ,
лауреат Ленинской премии

Петербургская академия художеств гудела, как растревоженный улей: неведомо, каким путем сюда попали снимки роденовского «Бальзака». Мы, много слышавшие о спорах, кипевших в Париже вокруг новой работы Родена, подолгу всматривались в величавую, осанистую фигуру знаменитого писателя. Поднятая ввысь вдохновенная голова, всевидящий взгляд мудреца-сердцеведа, большое тело, скрытое под просторным, ниспадающим до земли плащом,— все впечатляло.

Многое здесь буквально совпадало с описанием Ламартина: «Бальзак — это была олицетворенная стихия: громадная голова, огненный взгляд, колоссальное тело, он был тучен, плотен... но не было в нем тяжести: его душа была так сильна, что она легко несла это тело...»

Да, великая душа Бальзака легко, непринужденно несла громаду тела в статуе Родена. Таким и представлялся нам замысел знаменитого мастера. Там, где сторонники выглаженной, выхолощенной тупым усердием скульптуры видели лишь сырую, непроработанную форму, нам открывалось ошеломляющее мастерство, без которого не могло быть и речи о создании памятника гению.

Трое друзей — Кончаловский, Ермолаев и я — долго ходили в тот день по Васильевскому острову, с жаром обсуждая событие.

Мы были молоды. Мы были по горло сыты академической рутиной. Мы, за тысячи верст от парижской мастерской Родена, чувствовали родство наших темпераментов и его страсти творца. И впоследствии каждый из нас, не сознавая того, тянулся за Роденом в стремлении постичь и выразить поэтическую правду, обитающую в людях, живущих вокруг нас, в домах и деревьях, в движении облаков и течении рек...

Замысла Родена не поняли французские писатели... Общество литераторов, заказавшее памятник, не приняло роденовской интерпретации образа гениального романиста; заказ передали Фальгиеру. Малоталантливый скульптор создал нечто невразумительное, не преминув, впрочем, воспользоваться образными находками роденовской статуи. Писатели снова остались недовольны; они еще раз обратились к Родену...

Эта история вполне банальна. Так и у нас сплошь и рядом, бывает, заказывают да перезаказывают. Боязнь самостоятельности мышления художника не преодолена и по сей день. А поучителен финал истории. Роден, проработавший над статуей Бальзака с 1893 по 1898 год, отказался — когда дело шло уже к реальному завершению работы! — от исполнения повторного предложения общества литераторов. Еще бы, первоначальный их отказ был кощунством!

Роден не меньше, чем все почтенное собрание литераторов, знал и любил Бальзака. И к тому же владел даром понимания Бальзака, даром выражения этой любви средствами пластики...

Когда же все-таки научатся люди с уважением и доверием относиться к самому сокровенному в художнике — к его творческой индивидуальности!..

Считая решенной поставленную перед собой творческую задачу, Роден не счел нужным расходовать силы на дальнейшие препирательства с людьми, неспособными постичь образную сущность памятника Бальзаку. «Бальзак останется мне»,— упрямо твердил скульптор в ответ на щедрые предложения всякого рода покупателей.

Урок Родена, думаю я, плохо нами усвоен: смотрите, пуще глаза своего Роден берег достоинство творца!.. А чего стоит драматическая история тяжбы между Роденом и муниципалитетом города Кале.

Муниципалитет Кале, постановив воздвигнуть памятник легендарному герою Франции Эсташу де Сен Пьеру, сделал Родену заказ. Приступив к делу, скульптор нашел в древних летописях времен столетней войны описание подвига шести граждан Кале; Эсташ де Сен Пьер был в их числе.

В 1347 году английский король Эдуард III после долгой осады принудил город Кале к сдаче. Король обещал пощадить город только в том случае, если шесть именитых граждан явятся с веревкой на шее, в позорных одеждах к лагерю англичан и принесут ключи от города... Эсташ де Сен Пьер был первым; за ним последовали братья Виссан, Жан д'Эр, Андрье д'Андр и Жан де Фиенн...

Роден мысленно увидел их, всех шестерых... Увидел трагическое шествие граждан Кале, способных на самопожертвование. С этого момента Эсташ де Сен Пьер, как и его памятник, превратился в сознании художника в **памятник гражданам Кале** — и не иначе! Муниципалитет не соглашался, не желая увеличивать расходы. Тогда Роден заверил заказчиков, что все шесть фигур он сделает за ту же цену. Мсье Гаше, который вел эти переговоры, говорил: «Но до чего же неловок этот Роден. Я ему заказал одну статую, а он за ту же цену готов сделать шесть. Что же, прикажете, чтобы я довел его до нищеты?»

Подобные практические соображения отбрасывал Роден, решавший в это время сложную многофигурную композицию. Еще тогда, когда он впервые задумал ее, он отверг традиционный пьедестал: памятник должен был стоять прямо на земле, чтобы новые и новые поколения граждан Кале, провожая глазами изваянные фигуры — шествие героев,— становились как бы очевидцами, современниками трагического события.

В мощном творческом порыве скульптор создает небывалую композицию. Шесть фигур скомпонованы так, что, переводя взгляд от фигуры к фигуре, мы встречаемся с концентрированным выражением высоких человеческих чувств. Исполняя свой гражданский долг, люди отказались от всего преходящего. Отказались от самой жизни. Решимость и отчаяние, ненависть и страх, мужество и смятение... Разные переживания, разные характеры дают в совокупности потрясающую картину высочайшего патриотизма, любви к родине.

В процессе работы Роден открыл пластику страдания. Бугристая лепка подчеркивала запавшие глаза, выступающие скулы, тяжелые, набрякшие от напряжения суставы, вены рук и ног... Заведомо отказавшись от декоративного эффекта ритмически построенных силуэтов, он накрепко связывает с землей тяжелые массы фигур, одетых в грубые рубища смертников. Монотонный повтор этих фигур, вертикали ниспадающих рубах живо напоминают классическую скульптуру средневековых французских храмов. Это придает памятнику национальный колорит, историко-художественную достоверность.

Роден любил соборы. Его увлекала архитектоника устремленных ввысь объемов. У Гонкуров есть волнующая своей поэтической точностью запись: «Скульптор Роден исчезает порой из дому на несколько дней, причем никто не знает, куда он ушел; а когда он возвращается и его спрашивают, где он был, он отвечает: «Я смотрел соборы».

Видимо, масштаб творческих задач требовал от мастера столь же крупных обобщений, требовал гиперболы, смелой деформации во имя усиления мысли.

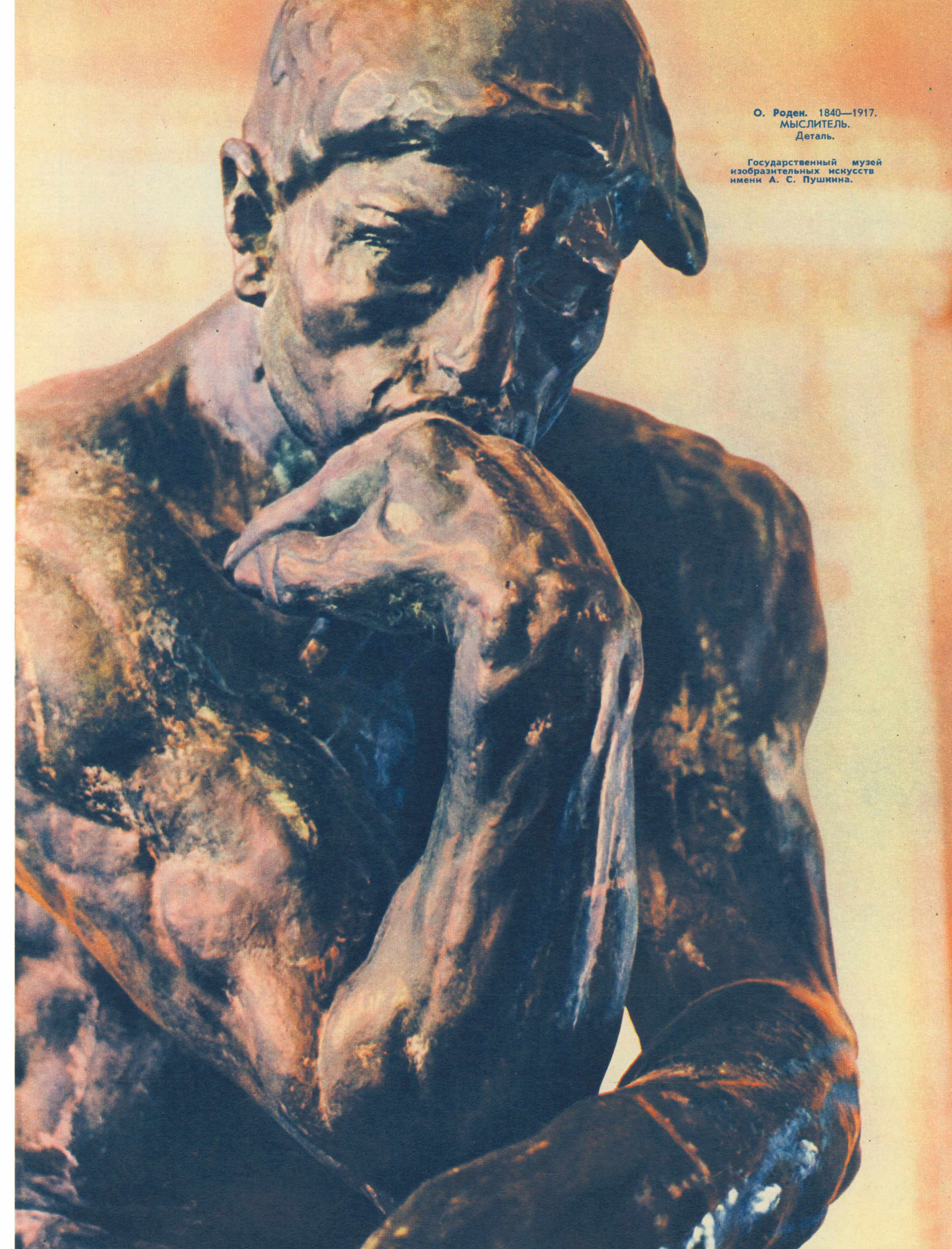
«Сначала я делал точные этюды с натуры... но потом понял, что искусство требует большей широты, преувеличений: начиная с «Граждан» главной моей целью стали поиски целесообразного преувеличения...» — говорил сам Роден.

Причем здесь великий скульптор не совсем точен. Главной его целью всегда было высокое поэтическое суждение о том объекте, который он изображал. Значительность его мыслей, пафос пламенной его души просто не могли обойтись без символа, без гиперболы, поднимавших реалистический образ до большого, широкого обобщения.

Все это было в «Бальзаке». И все это есть в «Гражданах Кале».

Памятник Родена был воспринят современниками как новое слово в монументальной пластике. Слово это прозвучало на весь мир. Своеобычность композиции была такова, что даже не сразу явились скорые на ногу подражатели... Спустив героических граждан Кале с узаконенного, канонического пьедестала на землю, Роден уже сам этот ходульный прием монументализации поставил под сомнение. И я уверен: несмотря на то, что пьедесталы и по сей день громоздятся на площадях, их песенка спета! Но, впрочем, и то сказать: как же велика сила инерции! Без малого сто лет назад ступили на землю «Граждане Кале», а безусловно верный гуманистический принцип Родена шел в дело всего лишь считанное число раз.

Живет по сию пору и наш отечественный консерватизм, хотя пьедестал явно противоречит демократическим тенденциям современности... Ведь герой или большой писатель, все равно, остаются всегда нашими современниками. И памятников достойны отнюдь не шестикрылые серафимы, а дорогие нам люди; и нехорошо, когда скульптор вкупе с архитектором возносят их изображения в поднебесную. Им там холодно и неуютно! А гражданам города в этом случае становится трудно понять: чем же герои, удостоенные памятника, были по-человечески близки и дороги людям? Ведь прямо скажем: на большом



О. Роден. 1840—1917.
МЫСЛИТЕЛЬ.
Деталь.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

О. Роден. ГРАЖДАНИН ГОРОДА КАЛЕ ЖАН д'ЭР.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

расстоянии трудно поразить воображение зрителей «лица не общим выражением». Зато всяческие изъяны и недоделки статуи совсем нетрудно растворить в высоте!

Уроки Родена дороги тем, что в них нет и тени менторства. Роден просто жил и работал, не навязывая никому своих концепций. Уже во времена «Граждан Кале» Родена окружали ученики и помощники. Среди них — Бурдель, впоследствии выдающийся мастер скульптуры. Училась в студии Родена и Анна Семеновна Голубкина.

Неограниченным было влияние великого француза на художников и помимо его собственных ателье. Сильно чувствовалось, например, влияние Родена в творчестве такого даровитейшего скульптора, как Паоло Трубецкой. Из творческой полемики с тенденцией Родена к крайнему обобщению форм рождается благородное величие и классическая ясность Майоля. Русская школа Матвеева — тоже итог вдохновенного спора с Роденом... Да несть числа скульпторам, по-разному преломившим в своем искусстве импрессионистический, живописный, новаторский характер лепки Родена. Причем это новаторское входило в практику скульпторов как непременный элемент современного мастерства, хотя некоторые и применяли его стыдливо, открещиваясь от влияния Родена,— совсем как те живописцы, что взяли на вооружение колористические находки и открытия импрессионистов и все же не стеснялись на протяжении десятилетий осуждать «формализм» Дега и Писсарро...

Рыцарем без страха и упрека, вышедшим на арену жизни — совершать подвиги во имя святого искусства,— представляется мне сегодня Роден.

Удивительная цельность характера!.. Рано пристрастившись к рисованию, а потом и ваянию, Роден с фанатической увлеченностью постигает все стороны мастерства, стремится к абсолютному знанию натуры. Это дает ему полную свободу для выражения самых сложных замыслов. Почувствовав свою силу, он делает маску «Человека со сломанным носом». Роден потрясен содержательностью натуры, ее красотой.

«Для художника все прекрасно, так как в каждом существе его проницательный взор открывает характер, то есть внутреннюю правду, которая просвечивает под внешней формой. И эта правда сама красота».

Так Роден открывает и провозглашает новые эстетические критерии, бросая вызов академизму в скульптуре, где превыше всего ценился срежиссированный жест, правильные черты, «классические» пропорции. А тут вдруг «Человек со сломанным носом»!.. Он был подан на выставку в Салон и с презрением отвергнут. Ценителей шокировало и простонародное обличье модели и та правда, от которой они бежали, как черт от ладана.

Шедевр реалистической скульптуры — «Бронзовый век», экспонированный в Салоне 1878 года, защитники академизма тоже поставили вне искусства: дескать, это простой слепок с натурщика.

Да, действительно, одухотворенная фигура стройного, оживленного движением юноши остро конфликтовала с «пустотелыми куклами академизма, скованными могильным холодом»: вот так прямо, беспощадно характеризовал Роден творения академистов. Да, действительно, один взгляд на трепетное изваяние красивого обнаженного тела вызывал ассоциации, мысли о прекрасном живом облике юного, стройного натурщика. Да, помимо большой философской содержательности, было и это в скульптуре Родена «Бронзовый век». Ну и что?! Кому не известно, что ханжам всех времен видится нечто стыдное в обнаженном человеческом теле. А по-моему, это — самое прекрасное из всего, что есть сущего на свете! И Роден всю жизнь исповедовал такую веру! Исповедовал, приобретая великое множество сторонников...

В свое время Роден подарил Петербургской академии отливку «Бронзового века»; дар был принят с кислой улыбочкой,— ханжи и рутинеры ведь везде одинаковы... Искусство Родена оказалось тем динамитом, который взорвал устои академизма. Однако «Бронзовый век» художнику пришлось защищать от клеветы документами и свидетельскими показаниями. Последующие же его работы: «Идущий человек», «Иоанн Креститель», «Граждане Кале» — перешагнули через поверженный академизм.

Вдохнув в свои статуи жизнь, Роден заставил их двигаться. «Фигуры, бюсты, группы, то есть все существа, созданные им, живут и трепещут,— писал современник Родена Анатоль Франс.— Никто до него так не оживлял инертное вещество. Его необычная концепция охватила все, от резких судорог всего тела до неуловимой дрожи в лице. Его искусство не терпит покоя. Все его большие фигуры изображены в ходьбе».

Роден становится непревзойденным мастером естественного жеста. А это искусство не приходит само собой. На протяжении всей своей долгой жизни Роден рисует и лепит натурщиков, не позирующих, а самым естественным образом расхаживающих или сидящих у него в мастерской.

Утверждая эстетическую ценность изваянного движения, Роден открывает в скульптуре все новые и новые выразительные возможности и в то же время опровергает рассчитанное «равновесие» — статику академистов. Его увлекает возможность повысить эмоциональное звучание скульптуры, передать тончайшие нюансы мысли за счет светотеневой моделировки. Лепка его и впрямь лучезарна, живописна, трепетна. К тому же он все больше работает теперь в глине, доверяя лишь одному инструменту — чутким пальцам скульптора.

Казалось, Роден выразил в скульптуре всю — мыслимую — красоту. И дошел до той черты, где светотеневая лепка обретает уже чрезмерную самостоятельность, растворяя в себе конструктивную основу образа. Однако здоровое чувство реалистической формы и огромный опыт не позволили скульптору перешагнуть ту границу, за которой начинается некая дематериализация образа. И здесь Роден тоже был первопроходцем. Он практически выявил возможности современной пластики. Редкостная работоспособность помогла ему на деле проверить границы взаимопроникновения, взаимоотдачи скульптуры и архитектуры, скульптуры и живописи.

Сын своего времени, великолепный портретист и психолог, Роден грандиозным произведением «Врата ада» дал характеристику современного ему буржуазного общества. Характеристику тонкую, исторически верную.

В тяжелые раздумья о судьбах человечества погружен «Мыслитель». Средствами своего искусства скульптор анализирует окружающую жизнь, и она рождает в его душе пессимизм, безысходность... Много лет работает Роден над «Вратами ада». Грандиозная многофигурная композиция так и не была закончена. Но тот адский вихрь, который, «отдыха не зная, мчит сонмы душ среди окрестной мглы и мучит их, крутя и истязая», выплеснул в жизнь много замечательных созданий. «Ева», «Поцелуй», «Последняя мольба», «Та, которая была прекрасной Омиэр», «Кариатида, упавшая под тяжестью камня», наконец, и «Мыслитель» родились в работе над «Вратами ада». С беспощадной смелостью, во всеоружии божественного мастерства Роден изображает ад — не тот, который находится в преисподней, а тот, что царит в смятенных, растерянных душах его современников.

«Врата слишком продырявлены»,— сознавался сам великий мастер... Синтеза с архитектурой, увы, не получилось. Между пластикой и зодчеством была пропасть. «Кариатида, упавшая под тяжестью камня» образно запечатлела боль души Родена...

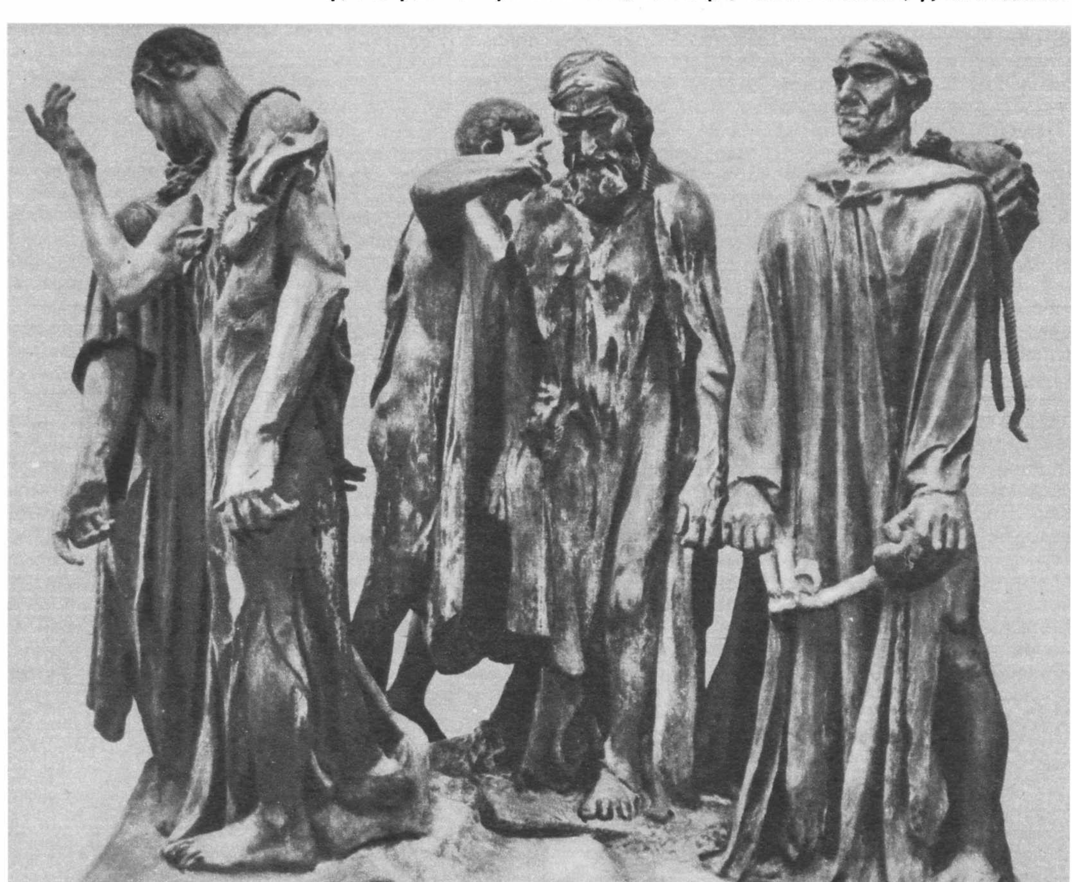
В 1924 году я побывал в музее Родена. Здесь зримо представляешь себе масштабы им содеянного: сотни скульптур, тысячи рисунков, гравюр... Современники называли его фантастом и мечтателем, а он, недовольный их легкомыслием, коротко возражал: «Я реалист».

Конечно, прав Роден! Его произведения могучи, вдохновенны, **реалистичны.** В самых дерзких своих фантазиях он исходил из совершенного знания натуры. А постоянным учителем своим считал природу. «Композицию создает природа, мне незачем создавать ее заново»,— вот что утверждал Роден.

Величие Родена — в фанатической увлеченности своим делом.

Эдмон де Гонкур пишет в «Дневнике» о своей беседе с Роденом: «Он рассказывал о своей жизни, посвященной тяжкому труду: встает он в семь утра, в восемь уже в мастерской, и работа его, прерываемая лишь завтраком, длится дотемна».

Что ж, нельзя не пожелать каждому человеку — даже и не художнику, все равно!— усвоить этот, пожалуй, самый главный, урок Родена...



Граждане города Кале.
1884—1886.

Юрий ТЮРИН,
мастер спорта

РАЗВЕДКА

Олимпийские игры в Мехико 1968 года пройдут на высоте свыше 2 200 метров над уровнем моря. Эти условия предъявляют ряд больших требований к организму человека и тем самым значительно усложняют подготовку олимпийских команд.

Нашей небольшой спортивной делегации ставилась задача, выступив на предолимпийских соревнованиях в Мехико, установить оптимальный режим спортсмена в этих трудных условиях. У нас в Союзе уже проводился ряд исследований, но в Мексике надо было учесть еще и такие важные обстоятельства: огромную разницу во времени — от 8 до 12 часов, особенности местной пищи, условия для тренировок. В общем, мы ехали в почти неизвестное.

Заранее прошу извинения, если мой рассказ, сделанный в форме дневника, покажется несколько отрывочным.

Совершив гигантский легкоатлетический тройной прыжок Шереметьево — Брюссель — Монреаль — Мехико, через 20 летных часов мы оказались на земле будущей олимпиады. В общем, группа перенесла перелет удовлетворительно. Вот он, воздух Мексики, которым придется дышать! Встреча на аэродроме: фотокорреспонденты, работники советского посольства. Через час — в гостинице «Беверли». После утомительной дороги — скорее спать. Нелегко уснуть, когда, несмотря на глубокую мексиканскую ночь, в Москве время обеда.

10 октября, первое утро. Мехико. Центр мексиканского нагорья. Долина Ануак. Высота над уровнем моря — 2 200—2 300 метров. Погода в октябре отличная. Прошел период дождей, не так жарко, хотя днем припекает, а ночью температура резко понижается.

Утренняя зарядка — обычный бег несколько километров и гимнастика. Во время бега такое ощущение, что бег — как бы продолжение сна. Не могу твердо ощутить толчок, приземление.

После обеда — на тренировку. Тренируемся вместе с польской делегацией. Польские бегуны — Бáран и Баденский. Бежим и смотрим друг на друга: тяжело дышится. Ощущение, что на горло надета тугая повязка. Сразу вспоминаются марш-броски во время службы в Советской Армии. Движения очень вялые.

Первую тренировку провели на территории мексиканского университета. Это огромный спортивный комплекс с массой спортплощадок, бассейнов, футбольных полей, газонов. Во время бега приходится дышать часто. Чем глубже дыхание, тем лучше. Вот и первые результаты: тренировка по-московскому легкая, а пульс после тренировки — 150 ударов в минуту. Это много.

Вечером отправляемся на тренировку с велосипедистами. Большой интерес к нашим ребятам со стороны прессы. Станислав Москвин и Имант Бодниекс пробуют трек. Трек старой конструкции, плохо приспособлен к большим скоростям. Но соревнования проводить можно. Тренироваться очень трудно: жарко. Солнце в зените. Вот высказывания спортсменов после первой тренировки.

Боксер Станислав Степашкин. «Чувствую — сила есть, а руки деревянные».

Гимнаст Юрий Титов. «Быстро наступает утомление, слабеют мышцы, затруднено дыхание. Ослабевает субъективный контроль, но это не вызывает значительных ошибок в технике».

Гимнастка Лариса Латынина. «Устала до чертиков, после вольных упражнений появляется одышка...»

Второй день. Днем — тренировка на стадионе. Тяжело. Слабость. Такое ощущение, что долго болел гриппом. Встал — в глазах круги, ноги плохо слушаются. Бежишь отрезки, как во сне. Теряется чувство равновесия. Зацепился за бровку — чуть было не упал. Кружится голова...

Вечером пресс-конференция. Открыл ее председатель организационного комитета XIX Олимпийских игр Адольфо Лопес Матеос. Это бывший президент республики. Организация будущих Олимпийских игр поставлена на высоком уровне. В своих выступлениях главы делегаций отметили, что проблема акклиматизации спортсменов не будет большой, но с точки зрения человеческих возможностей это серьезный экзамен. Если результаты на Мексиканской олимпиаде возрастут, то это еще раз докажет неисчерпаемые возможности человека, его способность приспособиться к любым условиям.

Всюду нас сопровождают корреспонденты, специалисты, интересуются нашим состоянием. Очень опасаются того, что спортсмены дадут отрицательную оценку условиям в Мехико. Уже на следующий день в газетах читаем: «Высота совершенно не влияет на спортивные результаты, а даже в некоторых видах (спринт, велосипед) они могут улучшиться».

Уже после первых тренировок и стартов стало ясно, что рекорды следует ждать в скоростно-силовых видах, но не там, где требуется от спортсмена огромная работа на выносливость.

Третий день. Первые соревнования. Выступают наши велосипедисты-трековики. Им тяжело. Фактически без всякой акклиматизации вышли на старт с итальянцами, которые уже долгое время находятся в Мексике. Имант Бодниекс и Станислав Москвин жалуются на тяжесть ног. После соревнований дышали кислородом...

Четвертый день. Отдых. Знакомились со спортивным Мехико. Поражает обилие спортплощадок и сооружений. Тренироваться можно круглый год. В основном частные спортивные клубы. Денежные взносы за пользование спортинвентарем и сооружениями довольно солидные. Не всем по карману. Но зато на газонах, открытых площадках масса диких команд. Игры: бейсбол, волейбол, футбол. Мальчишки без устали гоняют мяч, несмотря на жару. Приятное зрелище.

Отличные газоны на территории университета. Студенты с удовольствием знакомятся с нами. «Русс, русс»,— улыбаются. Вообще на протяжении всего нашего пребывания нас, посланцев СССР, встречали тепло.

Пятый день. Первый бой Степашкина. Молодец! С таким оптимизмом только и нужно идти в бой. Первый бой с японцем. Олимпийский чемпион явно выбрал тактику хорошего финиша. Но японец очень активно действует. И вдруг... что такое?! Нокдаун? Нет. Станислав поскользнулся. Он тут же вскакивает. Это его подхлестнуло. И буквально через несколько секунд японец в глубоком нокауте. Огромный зал, до этого находившийся в бурном движении (мексиканцы очень любят и понимают бокс), замер... Но вот судья поднимает руку Станислава. Первая победа, первый нокаут. Мексиканцы выносят Станислава на руках с ринга в раздевалку.

В финале Степашкин дрался с мексиканцем. Как зал болел за своего земляка, как подбадривал его! Когда судья остановил бой за явным преимуществом советского спортсмена, зал взревел от огорчения. Но все же объективность взяла верх. Надо отдать должное мексиканцам: опять Стасик отправился в раздевалку на руках зрителей.

Шестой день, 15 октября. Открытие соревнований по легкой атлетике. Огромная чаша стадиона университета. Парад участников, подъем флага. На мгновение представляешь, что будет в 1968 году...

Интересным был забег на 10 тысяч метров. Выступает серебряный призер Токийской олимпиады Мохаммед Гаммуди. В беседе перед забегом он рассказал, что тренировался до этого старта три недели в горах во Франции и прошел недельную акклиматизацию в Мехико. Конкуренцию ему составил лишь немец Хаазе. Время Гаммуди — 31 минута 37 секунд. На равнине результат Гаммуди меньше 29 минут.

Седьмой день. На стадион приехали за полтора часа до старта на 5 тысяч метров. Вот и прославленный Рон Кларк, олимпийский чемпион американец Миллс, тунисец Гаммуди, немец Филип Луц, японец Окаде и многие спортсмены из других стран. Газеты накануне этого дня преподносили забег на 5 тысяч метров как центральное событие легкоатлетических соревнований.

Очень душно. Дорожка в плохом состоянии, как пашня.

Начал разминку за час до старта. Тренер Николай Иванович Пудов все время меня сдерживает: видно, нужно в таких условиях отказаться от нашей русской горячей разминки. Беречь организм от перегрева. Кларк, Миллс, Гаммуди начали разминку за 25 минут до старта. Уже перед стартом в ускорениях тяжело дышится.

Старт. Впереди темпераментный мексиканец. Но его хватает лишь на 150 метров. Вот уже на трибунах овации: впереди Кларк. Но ненадолго. Его сменяет Гаммуди. Пытается выйти вперед американец Миллс. Но после двух километров остаемся только трое: Гаммуди, Кларк и я. Кларк все время оглядывается назад, смотрит на меня. Даю понять движением руки, что все «о'кей». На дорожке — слой рыхлой земли с ямами. Все время приходится смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. На последнем километре большое желание усилить темп, но мгновенно при малейшем ускорении штраф: тяжелеют ноги, дышать становится еще труднее. Пока наиболее выгодный режим работы стайера — равномерный темп без ускорений. Как и следовало ожидать, судьба первого места решилась на последних 150 метрах. Гаммуди побеждает знаменитого рекордсмена мира на всех стайерских дистанциях Рона Кларка. Очень устали ноги, хотя дышится сравнительно удовлетворительно. Кларк валится на землю — давление 250 — и показывает рукой на область сердца. Я, видно, недооценил свои возможности: мог бы пробежать лучше. Через 10 минут после обследования я уже мог свободно бегать, и час спустя мы трое стояли на пьедестале. Надо было видеть улыбку Мохаммеда Гаммуди: ведь не каждому удается победить Рона Кларка!

Общее впечатление от беговых номеров. Начиная с дистанции 1 500 метров и выше результаты резко падают. Сильнейшие бегуны мира едва показывали время первого разряда. И это не оттого, что они не хотели бежать или хитрили. Они бежали с полной отдачей сил. Обычная картина на стадионе — спортсмен после финиша с кислородной подушкой...

Молодцы наши пловцы. У них проводился открытый чемпионат Мексики. Белиц-Гейман, Прокопенко, Кузьмин, Мазанов стали чемпионами Мексики, обыграв очень сильных американцев и японцев.

Сопоставим результаты, показанные сильнейшими пловцами, участниками олимпийской недели в Мехико, и их личные достижения на уровне моря. Дистанция 100 метров — примерно минус 0,2 секунды—0,5 секунды. Только один американец, Мадлер, на дистанции 100 метров — плюс 0,1 секунды. Дистанция 400 метров — минус 9,8 секунды — 28,4 секунды.

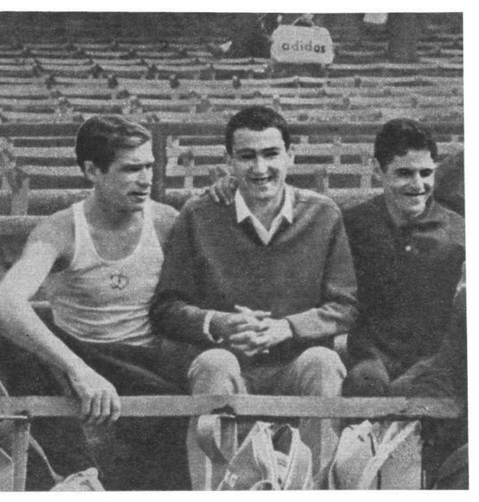
БОЕМ

Фото автора.

Бег на 10 тысяч метров. Впереди — М. Гаммуди.

Территория университета в Мехико. На университетском стадионе и проходила олимпийская неделя.

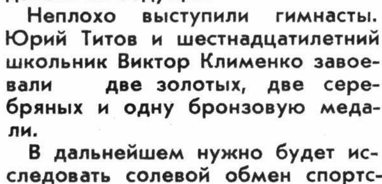
Глоток кислорода после бега.



После забега на 5 тысяч метров — Ю. Тюрин, Р. Кларк и М. Гаммуди.

Вот она, высота 2 200! Этот спортсмен пробежал всего 400 метров!

Врач Г. П. Воробьев исследует состояние велогонщика С. Москвина.



Дистанция 1 500 метров — минус 40,5 секунды— 2 минуты.

Для пловцов наиболее выгодный режим оказался также равномерный. Стоило американцу Краузе сделать несколько ускорений, как это выбило его из ритма и он был далеко от ведущих.

Неплохо выступили гимнасты. Юрий Титов и шестнадцатилетний школьник Виктор Клименко завоевали две золотых, две серебряных и одну бронзовую медали.

В дальнейшем нужно будет исследовать солевой обмен спортсмена, так как для нас, европейцев, непривычная жара увеличивает солевыделение на тренировке. Первые дни акклиматизации нужно тренироваться по возможности легче. Хорошее самочувствие наступает тем быстрее, чем лучше спортивная форма спортсмена. Необходим тесный контакт с врачами. Они улавливают то, что нам в такой непривычной обстановке субъективно трудно определить.

Спортивный врач Григорий Петрович Воробьев поднимался утром раньше всех и успевал до зарядки и во время тренировок проверить наше состояние.

Мы все пришли к одному выводу: «Не так страшен черт, как его малюют». Это подтвердилось при дальнейшем нашем пребывании в Мексике. Кончилась олимпийская неделя. Большинство делегаций разъехалось по домам, а мы остались еще на 10 дней, чтобы до конца изучить еще многие неясные вопросы. И тогда-то мы почувствовали себя настоящими мексиканцами: успешно тренировались, исчезло утомление, стали расти результаты. Через 6 дней после соревнований провели контрольный бег, но с ускорениями. После первого километра я сделал резкое ускорение на 400 метров и пробежал их на 5 секунд быстрее обычного. Через 500 метров дыхание восстановилось. После второго километра сделал еще одно ускорение... Это было намного труднее, чем при равномерном беге.

После олимпийской недели у нас стало побольше свободного времени. Наконец-то посмотрели город, его окрестности. Величественные пирамиды — древние памятники старины, экзотическая Сочимилко — мексиканская Венеция.

Начитавшись Хемингуэя о корриде, захотелось это зрелище увидеть своими глазами. Коррида в Мехико проводится раз в неделю, по воскресеньям, на специальном стадионе вместимостью около 70 тысяч. Перед входом контролеры проверяют карманы зрителей: нет ли бутылок и оружия.

После первого посещения немного разочаровались. При втором посещении наши страсти разгорелись — узнали цену спокойствия и мужества тореадоров. А когда тореадор оказался на рогах быка и чудом остался в живых, мы испытали на своих спинах весь темперамент мексиканских болельщиков.

Улетали мы из Мехико 27 октября. Многие ребята нашли здесь хороших друзей, и в аэропорту, перед посадкой в самолет, велись оживленные беседы на «интернациональном» языке: «До скорой встречи! Ждем! Вива Руссия!» А мы в ответ: «Вива Мехико!»

КОНФЛИКТ ДОСТОЙНЫХ

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

М. Таль недавно заявил, что у него вышли из доверия шахматные синоптики. Однако знатоки все же немного в турнирных делах разбираются. В анкете, организованной среди участников прошлогоднего чемпионата СССР, оба молодых гроссмейстера, Б. Спасский и М. Таль, получили большинство голосов, как наиболее вероятные финалисты.

Мне очень приятно и почетно быть арбитром в этом матче двух крупнейших талантов, двух очаровательных молодых людей. Соперники-друзья настолько корректные люди, что вполне могли бы обойтись без судьи. Я больше чем уверен, что во время их острейшего шахматного конфликта не будет ни одного свистка!

В Тбилиси невероятный ажиотаж вокруг матча. Мне часто пишут и звонят болельщики и задают вопрос: «Спасский и Таль очень хорошие парни, нельзя ли сделать так, чтобы они оба выиграли?» Это, конечно, шутка, но она подчеркивает, каким уважением и авторитетом пользуются оба претендента.

Несомненно, оба гроссмейстера основательно готовились к матчу. Б. Спасский с его верным тренером И. Бондаревским занимался в Сочи, М. Таль с тренером А. Кобленцем — в Ялте. Следует отметить, что М. Таль чувствует себя хорошо и поправился на 5 килограммов. Это как раз тот вес, на который шахматист может похудеть во время такого напряженного матча.

Обязанность главного арбитра заключается в том, чтобы все видеть, все замечать и... поменьше говорить. Но я ведь еще являюсь корреспондентом «Огонька», как же я могу молчать? И я нашел выход из положения, попросив трех абсолютных шахматных авторитетов ответить на один вопрос: кто победит?

Б. Спасский дал точный ответ: один из двух.

М. Таль заявил: журналист Таль считает, как и многие другие, что победит Б. Спасский. Но гроссмейстер Таль постарается, чтобы этого не случилось.

Чемпион СССР В. Корчной считает, что с чемпионом мира будет играть Б. Спасский, но большинство других экспертов дают уклончивые ответы, хоть они и считают, что 11,5 очка, которые Б. Спасский набрал, играя против П. Кереса и Е. Геллера, тяжелее, чем те 11 очков, которые набрал на озере Блед М. Таль, играя с Л. Портишем и Б. Ларсеном.

А с кем бы легче было Т. Петросяну? Тут разногласий нет: ни Б. Спасский, ни М. Таль для чемпиона мира «не подарок».

Жеребьевка во Дворце пионеров по алфавиту дала право Б. Спасскому первому бросить жребий. Из небольшой коробочки он вытащил черную куколку в грузинском национальном костюме. М. Талю досталась блондинка, и он играет в нечетных партиях белыми. Премьера в театре Руставели протекала напряженно и закончилась, как известно, мирно. Нам кажется, что некоторое психологическое преимущество в этой первой встрече было на стороне Спасского, который черными легко добился ничьей.

Матч Б. Спасский — М. Таль имеет важное спортивное значение, но не меньшее значение имеет их творческий спор. Как известно, оба претендента являются приверженцами хода e2 — e4. Когда Б. Спасский двинул вперед королевскую пешку в матче против Кереса и затем Геллера, они оказались не в силах удержать равновесие. А против e4 М. Таля оказались почти беспомощными Портиш и Ларсен. Интересно, как же будут отбиваться Спасский и Таль против столь любимого ими классического начала — хода королевской пешкой?

Итак, в первой же партии претенденты избрали испанский танец. Спасский угостил противника важной новинкой, и атака Таля не состоялась. Очень острой и содержательной была вторая партия, в которой Спасский также начал с хода королевской пешки, и вскоре в центре заварилась каша.

П. Керес говорил: «Спасский сегодня играет почти безошибочно». Но вот это «почти» и сказалось на 19-м ходу, когда Спасский допустил просчет, после которого картина резко изменилась в пользу Таля.

В третьей партии М. Таль вновь предпочел испанское начало. Но тут-то и выяснилось, что Спасский и Бондаревский имеют в своем чемодане достаточно сильные противоядия. Таль абсолютно ничего не получил в дебюте, а затем Спасский на 22-м ходу отклонил предложенную ничью. У Спасского тончайшее чутье, и он, уловив у белых маленький изъян в позиции, блестяще реализовал свое преимущество. Ладейное окончание Спасский провел, как Акиба Рубинштейн (бог ладейного эндшпиля) в лучшие его годы, и сквитал счет: 1,5 : 1,5.

Поклонники М. Таля были огорчены: такую простую позицию проиграл, но поклонники Спасского заявили резонно, что Спасский также не обязан был проигрывать вторую партию. Самое удивительное — это творческий итог третьей партии. До матча многие считали, что ход e2 — e4 чуть ли не решает исход всей партии. А что произошло на самом деле? М. Таль потерпел поражение, играя белыми! Может быть, учитывая это обстоятельство, Б. Спасский в четвертой партии и решил переменить свой репертуар, начав игру с хода ферзевой пешкой. Но Таль легко уравнял игру, которая уже на 23-м ходу закончилась мирным исходом.

Что скрывать, зрители были немного разочарованы: ведь от Таля и Спасского не ожидали гроссмейстерских ничьих. Сам Таль заявил: «Скучных встреч не будет». Но некоторым оправданием этой быстрой ничьей является то, что четвертая партия игралась накануне дня рождения Таля. Ему исполнилось 29 лет.

Итак, счет 2 : 2. Борьба только начинается. Таль внешне невозмутим. Он меньше, чем всегда, кружит мелкими шажками по сцене. Он играет по Ботвиннику: сидит за доской. Работать надо! Но курить Таль не перестал. Спасский, как всегда, спокоен.

Первая треть матча показала то, что и можно было ожидать: Б. Спасский не сильнее М. Таля, а М. Таль не слабее Б. Спасского. Это борьба поистине равных, достойных друг друга соперников.

Тбилиси (по телефону).

«ЕЖ» ПРИШЕЛ «НА ОГОНЕК»

Общественность Югославии в эти дни тепло отмечает 20-летие со дня возобновления регулярного выхода в свет после войны старейшего сатирического журнала «Еж». Созданный еще в 1935 году группой прогрессивных журналистов и писателей, журнал, несмотря на жестокое преследование его фашистами, продолжал нелегально выходить и в тяжкие годы оккупации. Он выходил под названиями «Подстриженный Еж», «Еж» и даже (за колючей проволокой фашистских концлагерей) «Лагерный Еж».

Журнал, который бессменно редактирует Любиша Манойлович, был отличной школой для целой плеяды мастеров сатиры и юмора. На его страницах росли и такие уже знакомые нашим читателям писатели, как Бр. Чопич, Вл. Булатович Виб, Бр. Црнчевич, Б. Джуричич, М. Димитриевич, и представители талантливой молодежи — М. Митрович, М. Илич, Б. Ольячич и многие другие.

Приветствуя юбиляров, мы публикуем сегодня некоторые из присланных нам произведений наших югославских друзей в переводе Г. Марковича.

МНОГО ТАКИХ

Джорджо ФИШЕР

— Ну, если нужно, так нужно! — сказал человек, засучил рукава, поплевал в ладони и принялся вытаскивать предприятие из прорыва.

Шло время, он трудился в поте лица своего, а люди стояли вокруг и с патриотическим жаром смотрели. Болели за него.

Нехорошо так говорить, но точнее не скажешь: работал он, как черт.

А когда наконец вытащил он предприятие из прорыва, вывел в передовые, раздались бурные аплодисменты.

И ничего тут удивительного нет. У нас много таких. Которые аплодируют.

ВСЕ МНЕ ЗАВИДУЮТ!

Алексие МАРЬЯНОВИЧ

Все мои знакомые всю жизнь мне завидуют. По их мнению, мне всегда везет во всем.

Когда я, совсем еще маленький, торговал газетами, друзья просто лопались от зависти и постоянно твердили:

— Хорошо тебе — шатаешься по улицам и продаешь газеты. Не должен, как мы, сидеть на работе по восемь часов... Мы бы хотели быть на твоем месте!

Позже, когда я наконец нашел работу в учреждении, они снова говорили:

— Хорошо тебе — свободен, как птица! Сохрани тебя бог от такой напасти, но если ты все же женишься, тогда поймешь, что такое головная боль!

Пришло время, и я женился. Радовался я, думал, что теперь и мне так же тяжко, как моим знакомым. К чему мне привилегии холостой жизни! Однако и теперь знакомые утверждали, что мне живется лучше, чем им:

— Ты еще не знаешь, что такое дети!.. Вот это ад! А сейчас ты жи-

вешь вдвоем с женой, целуетесь сколько влезет. Счастливый ты человек!..

Но время идет, и у нас родился сын. Я был очень опечален, что сын родился не в собственной нашей квартире, а в комнате, которую мы вынуждены снимать помесячно... А знакомые твердят, что счастливее меня нет человека на свете.

-- Ты радоваться должен, что у тебя нет отдельной квартиры! Ты даешь своему квартирному хозяину первого числа двадцать тысяч динаров, и все заботы с плеч долой! А нам?! То мебель купить надо, то — то, то — другое!..

Даже слезы у них на глазах выступали от зависти.

Скажу прямо, мне даже стыдно перед ними за то, что они мучаются, а я такой счастливый!.. Многие мои приятели — на руководящей работе и каждый день решают важные проблемы, заботятся о нуждах народных. А я? Мне нечего задумываться, они думают обо мне!.. Я бы поменялся с ними, но у меня нет таких талантов. Не подготовлен я для решения проблем.

Хоть бы телевизор был у меня. Узнал бы я, что такое му́ка, когда изображение плохое, а звук не тот. Но и тут мне повезло!

Или, скажем, была бы у меня машина. Я не знаю, чего бы я не отдал, чтобы разделить все печали и огорчения, которые мучают моих знакомых, имеющих собственный автомобиль. Но счастливая звезда, под которой я, как они утверждают, родился, избавила меня и от этого. Одно неприятно — слушать упреки.

— Легко тебе — нет у тебя ничего! Ты и представления не имеешь о том, как тяжело все это иметь!..

Черт бы побрал это мое счастье, которое отделяет меня от окружающих! Вот, например, явился недавно в город парень из деревни, нанялся на работу и сразу получил отдельную квартиру. Двухкомнатную. Вот и бьется теперь с ней, мучается. А меня все оберегают от таких забот.

Не надо меня оберегать, друзья мои! Не заслужил я такого внимания к себе! Мне это даже неприятно как-то...

А что, если бы я однажды встал на мосту с протянутой рукой?

— Хорошо тебе — стоишь вот тут, смотришь, как люди проходят, как вода течет. Да еще тебе и милостыню подают! — сказали бы, наверно, мои приятели и от зависти попрыгали бы в реку...

АВТОРУЧКА

Мича ДИМИТРИЕВИЧ

99,9 из ста белградских коллективов, провожая своих старейших работников на пенсию или отмечая их трудовой юбилей, обязательно дарят им на добрую память авторучку.

Обычай делать подарки прекрасен, можно сказать, трогателен и именно потому, что скромный юбилей отмечается и скромным подарком, какой-нибудь мелочью (ведь наш человек всегда скромен!). Но именно поэтому эта мелочь должна быть искусно выбрана. Поэтому здесь не нужна оглядка на других и еще менее уместно подражание. Однако наши коллективы поступают наоборот: все покупают юбиляру именно авторучку. Импортную, конечно, но всегда авторучку!..

Добро бы, дарили ее человеку пера, несмотря на то, что она ему меньше всего потребна и больше всего надоела, ибо он не расставался с ней всю свою жизнь, но зачем дарить авторучки и всем остальным?!

Как далеко зашло дело, покажу на одном примере.

Четыре старых члена коллектива одного предприятия, занимающегося асфальтированием улиц, ушли в прошлом месяце на пенсию. Все четверо так давно трудились в этой области, что помнят мостовые еще времен турецкого ига! Единственный из них — самый молодой (ему 67 лет) — еще может подписать свою фамилию. Остальные трое, получая зарплату, ставят в ведомости крестики. И вот молодежь этого предприятия устроила старикам пышные проводы. Было там много трогательных слов, рукопожатий, были даже видимые всем скрытые слезы. И в конце вечера вручили пенсионерам подарки. Каждому по вечному перу!.. И не какие-нибудь ставшие массовыми «пеликаны», а самые модные «монбланы».

Добродушные старички повертели-покрутили заграничные приборы для письма в натруженных своих пальцах и, памятуя старую поговорку о том, что дареному коню в зубы не смотрят, поблагодарили своих молодых друзей за внимание.

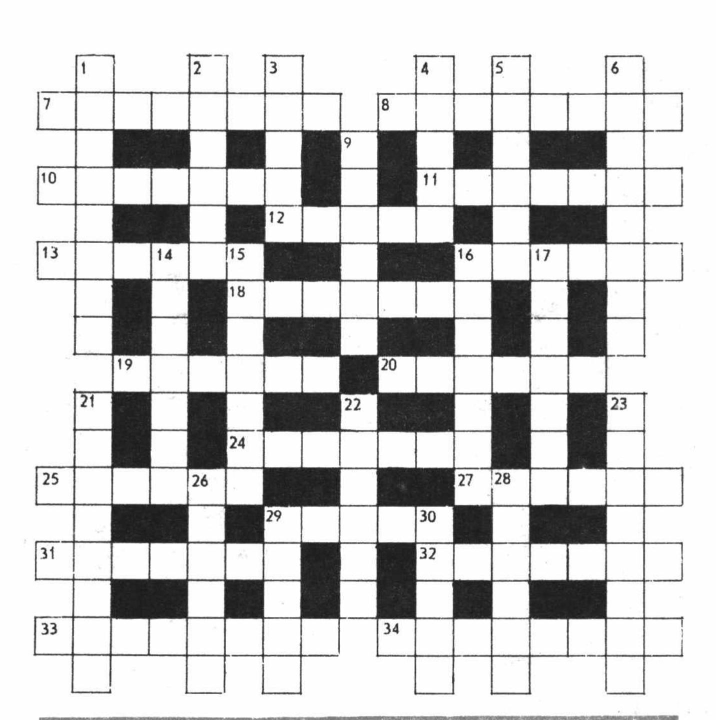
Этот случай напомнил мне историю с дядей Младжей, чьи славные, умелые руки уложили еще шестьдесят лет назад первые трубы нового водопровода в Белграде. Дядя Младжа еще жив, получает хорошую пенсию. Так вот, когда он уложил в свое время первые пять километров водопровода, ему подарили самую настоящую, входившую тогда в моду самопишущую ручку «ваттерман». С тех пор пошло и пошло! За следующие десять километров уложенных труб он получил следующую ручку, за двадцать — еще одну, и так — за каждый десяток!.. Сейчас дядя Младжа, когда хочет подсчитать, сколько километров труб уложено им в Белграде, пересчитывает свои авторучки.. Между прочим, он с их помощью научился считать до ста и даже больше... Писать он намеренно не учился. Все надеялся, что товарищи учтут сие обстоятельство и, провожая его на пенсию, догадаются сделать ему другой подарок. Однако не догадались!

Хочется, чтобы члены наших коллективов внесли некоторое разнообразие в подарки. А то им однажды, вспомнив случай с дядей Младжей, придется отметить:

— Считая сегодняшний подарок пенсионеру, наш коллектив закончил укладку своего первого километра авторучек!..

ОТ РЕДАКЦИИ «ЕЖА»:

Автор этого маленького фельетона — наш старейший сотрудник Мича Димитриевич. На днях он ушел на пенсию. Наш коллектив по этому поводу заготовил ему подарок — импортную авторучку. Только мы собрались ее ему послать, как почтальон принес этот его фельетон. Мы, чтобы не показаться неизобретательными, не послали ему и авторучку...



КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Зимний сорт яблок. 8. Скульптурное изображение. 10. Французский композитор. 11. Поэма А. Мицкевича. 12. Оконная занавеска. 13. Род художественной литературы. 16. Небесное тело. 18. Бобовое растение. 19. Железобетонная плита в сборном строительстве. 20. Машина для обработки металла, дерева. 24. Порт в дельте Нила. 25. Музыкальный инструмент. 27. Советский писатель. 29. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 31. Спортивная игра. 32. Городской транспорт. 33. Излучатель звука в громкоговорителе. 34. Полярная птица.

По вертикали:

1. Спор, дискуссия. 2. Пушной зверь. 3. Конечный пункт дистанции. 4. Антилопа. 5. Фигурная линейка. 6. Вид ивы. 9. Песня на слова Н. М. Языкова. 14. Озеро на Аляске. 15. Часть математики. 16. Река в Казахстане. 17. Детский кинофильм. 21. Действующее лицо комедии А. П. Чехова «Чайка». 22. Нашивки из галуна на форменной одежде. 23. Способ обогащения полезных ископаемых. 26. Отрезок прямой, соединяющий окружность с центром. 28. Народный художник СССР. 29. Массивная четырехугольная колонна. 30. Часть дерева.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

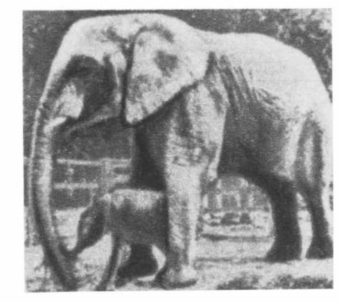
6. Голсуорси. 8. Монумент. 9. Ангидрит. 10. Ракита. 12. Чемпион. 14. Ниобий. 18. Яруллин. 19. Веттерн. 20. Проректор. 23. Декабрь. 24 «Амфибия». 27. Прадед. 28. Лигроин. 29. Долина. 32. Валаамка. 33. Ареометр. 34. Ланцетник.

По вертикали:

1. «Богема». 2. Прилив. 3. Планкет. 4. Фронтон. 5. Канитель. 7. «Бурмистр». 11. Картахена. 13. Протектор. 15. Березники. 16. Гиппарх. 17. Теорема. 21. Магеллан. 22. Гипотеза. 25. Дискант. 26. Витрина. 30. Чаплин. 31. Хоккей.

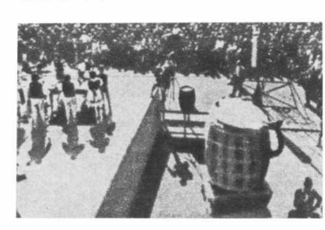
НЕМНОГО О ПИВЕ

В одной из пражских пивных был побит абсолютный рекорд по количеству выпитого пива. Рекордсмен, как это было зафиксировано в протоколе, выпил в течение суток свыше 130 литров знаменитого чешского пива. Но даже такой феномен не смог бы осилить только одну кружку пива, выставленную на базарной площади в Жатеце (ЧССР) во время праздника. В гигантской кружке было несколько бочек пива.



РОЖДЕНИЕ В ЗООПАРКЕ

Африканская слониха Опелин, живущая в зоопарке города Кронберг (ФРГ), родила слоненка. Этот вид слонов размножается в неволе очень редко. Опелин удивительно трогательно относится к своему малышу.

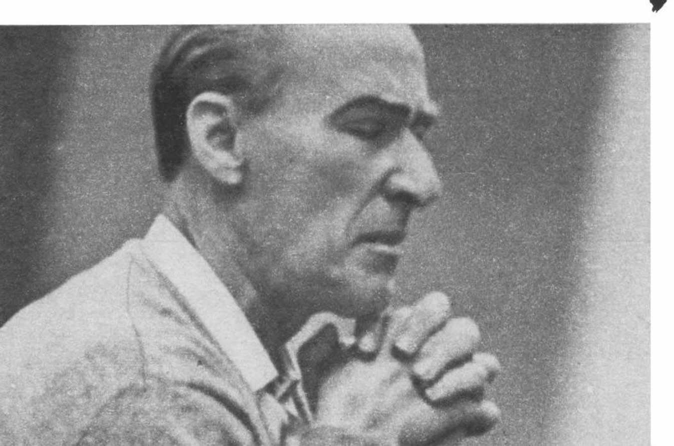


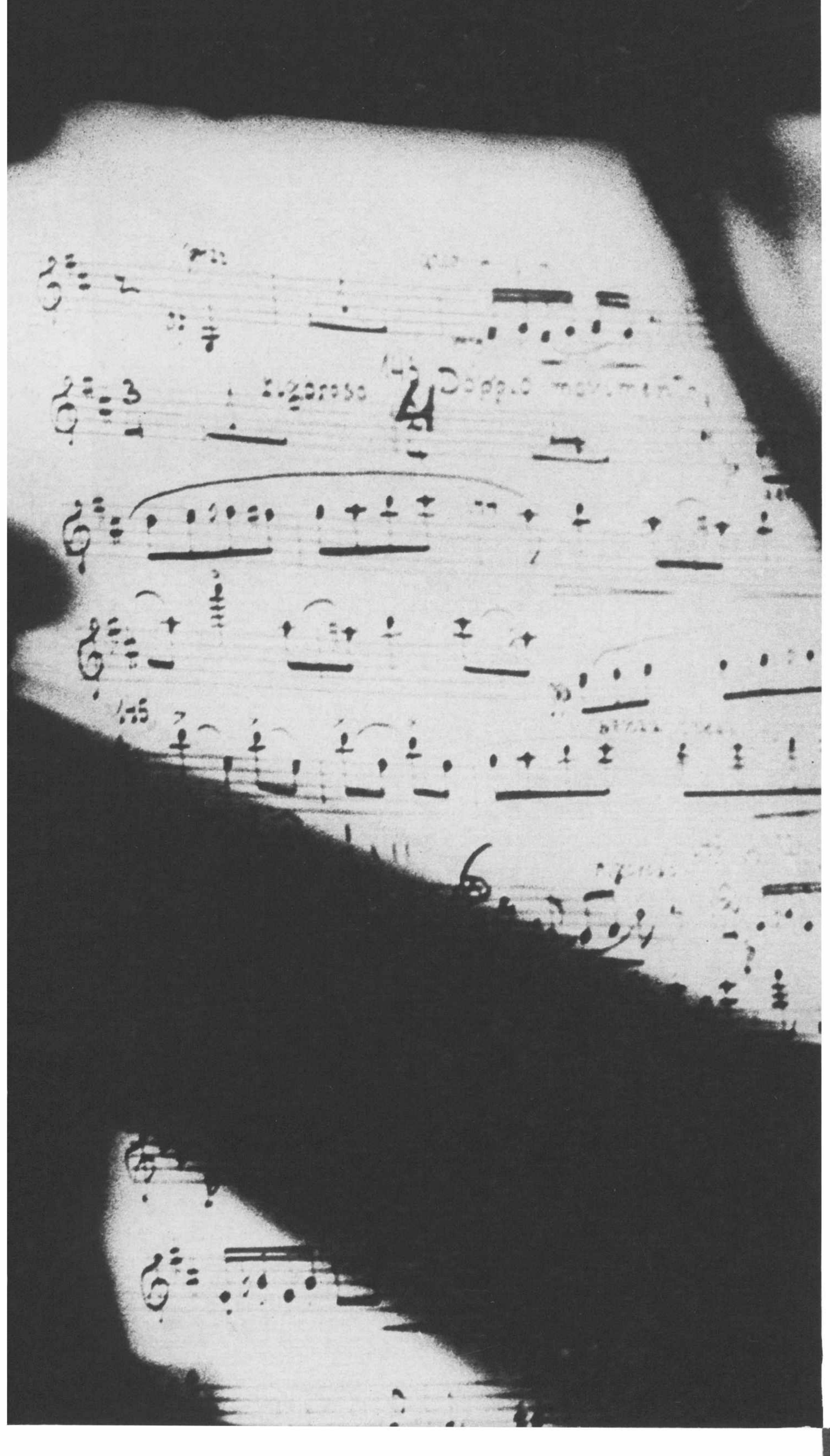
На первой странице обложки: Курсант Тбилисского Краснознаменного артиллерийского училища имени 26 бакинских комиссаров Игорь Шкателов.

На последней странице обложки: В Н-ской ракетной части.

Фото Г. Макарова.

Музыка





Помните картину Репина, ту, на которой изображен Бородин, стоящий у белой мраморной колонны? Хочется думать, что он слушает музыку, может быть, свою Богатырскую симфонию.

Мне вспомнилось это, когда недавно я был в зале Ленинградской филармонии. Сколько же прошло лет с тех пор, как обняли друзья бесконечно взволнованного Александра Порфирьевича, поздравив его с великим творением! И сколько с той поры выходило на эту концертную эстраду творцов-музыкантов, столь же душевно взволнованных и благодарных оркестрантам за то, что сумели они понять и выразить во всей полноте раздумья и образы, скрытые в нотных строках партитуры, за то, что дали музыке долгую и славную жизнь! Завидна судьба такого ансамбля. Право, можно сказать, что он бессмертен.

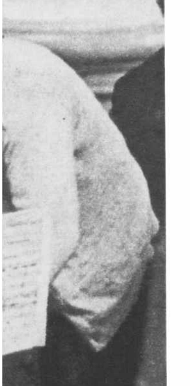
Есть у старейшего симфонического оркестра нашей на диво музыкальной страны свой маленький музей. Вы переходите от стенда к стенду, и мысль о бессмертии высокого искусства все больше укрепляется в вас. Старые программки, приглашающие благородных господ посетить концерт Придворного оркестра, сменяются фотографиями, на которых рабочие питерские люди слушают в том же белоколонном зале свой Государственный филармонический оркестр — «единственное симфоническое учреждение Республики, образцовое и показательное»,— как утверждал в своем указе 1920 года первый нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский.

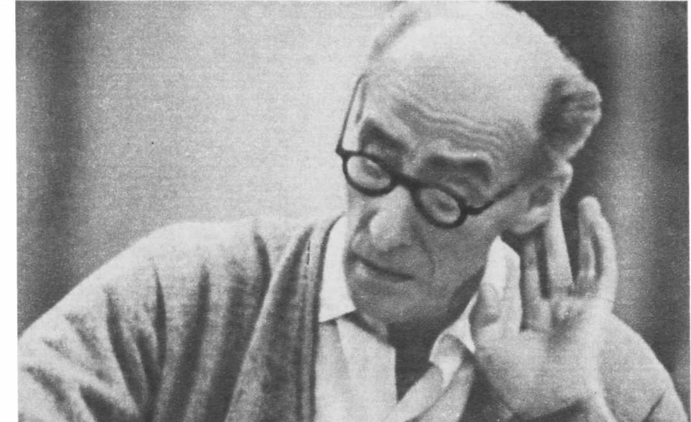
Перешагнем через годы, вспомнив словами уважения и признательности всех, кого уж нет за пультами, кто уступил по законам времени место более молодым. В двадцать одной стране мира побывал заслуженный коллектив республики симфонический оркестр Ленинградской филармонии — таково теперь его полное имя. Блистательными были эти гастроли. В Праге и в Японии, в Варшаве и в Нью-Йорке, в Англии, Норвегии и во многих, многих иных странах концерты оркестра были крупным

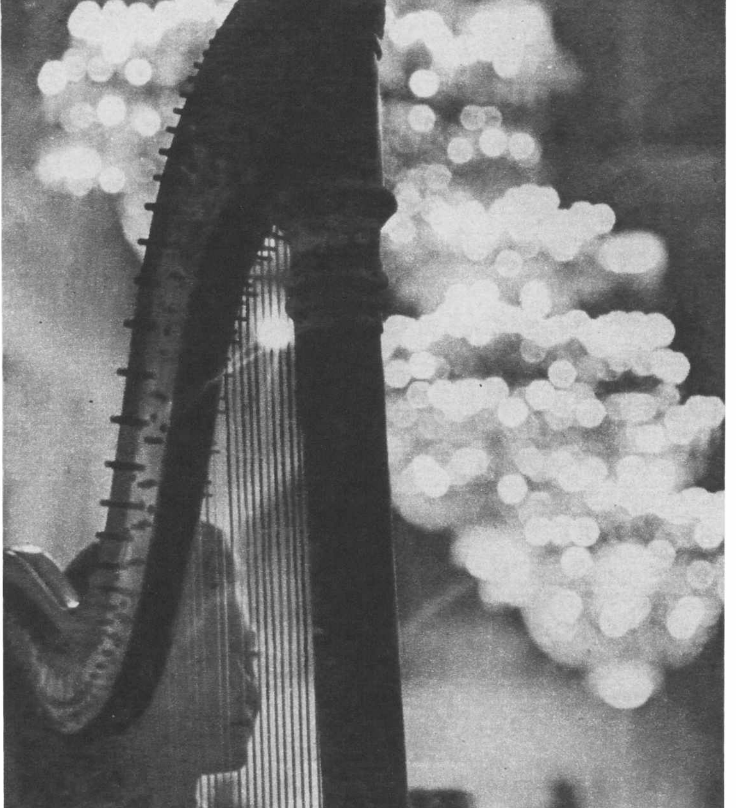
Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Поиски, поиски единственно верного...







и памятным музыкальным событием.

«Прекрасный Ленинград имеет прекрасный оркестр, достойный гордых исторических и культурных традиций города»,— так говорил Нью-Йорк.

«Ленинградский симфонический оркестр взял Лондон штурмом»,— вторил Лондон.

Ансамбль был признан совершеннейшим на юбилейных моцартовских торжествах в Австрии.

Всеобъемлющ концертный репертуар — от Гайдна до Стравинского, от Бетховена до Шостаковича, множество произведений, исполненных впервые...

Все это нынешний день, и все это просто жизнь музыкального коллектива. Труд репетиций в дневные долгие часы, короткий отдых и торжественно приподнятая атмосфера концерта, когда, одетые во все черное, ждут музыканты, седовласые и молодые, знакомого зова: «Пора!»

И есть у этого замечательного оркестра свой дирижер. Редкими музыкальными достоинствами должен обладать человек для того, чтобы неоспоримым было его право руководить таким ансамблем и непререкаемым авторитет среди великолепных мастеров музыки, в числе которых немало профессоров, заслуженных деятелей, имеющих своих учеников, свои школы.

Молодое поколение, и тоже именитое. Заслуженный артист В. Буяновский.

Пока не началась репетиция.

Концертмейстер. Заслуженный деятель искусств И. Шпильберг.

Руководит оркестром народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Евгений Александрович Мравинский. Руководит без малого тридцать лет, с того времени, когда еще молодым музыкантом вышел победителем в труднейшем конкурсе дирижеров.

Лучшему — лучший оркестр. Это было совершенно справедливо.

— Как меня приняли? Очень настороженно. Можно ли тому удивляться?

Это говорит Евгений Александрович Мравинский. Мы сидим в небольшом голубом зале рядом со сценой и тихонько разговариваем. Идет концерт. Дирижирует сегодня ученик Мравинского, воспитанник Киевской консерватории Игорь Блажков. Играют ранние произведения Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Композитор тоже здесь. Он подходил к нам в антракте, сказал мне:

— Не забудьте о том, что этому оркестру и его дирижеру я обязан бесконечно многим...

— Ты преувеличиваешь,— говорит дирижер,— это мы тебе обязаны...

Короткий диалог друзей. Большая творческая дружба навсегда связала их.

— Повезло мне в жизни,— говорит Мравинский, когда композитор возвращается в зал,— что есть на свете Шостакович. Почти все его симфонии мы сыграли первыми. Надеюсь, так будет и дальше.

Не очень просто заставить большого музыканта рассказывать о себе. В своем творчестве, вдохновении он весь, без остатка, раскрывается людям. Кажется ему само собой разумеющимся, что гигантский труд — норма его существования, что мучительные искания, которым нет и не может быть конца,— неотъемлемо сопутствуют его профессии.

— Самое трудное, пожалуй, дома,— размышляет вслух Евгений Александрович.— Я должен дома, работая над партитурой, добиться определенной законченности оркестрового звучания во всех его частностях и в целом, чтобы на репетиции оркестр и каждый его музыкант поверили мне и разделили мой замысел. Нам удается эта общность. Может статься, потому, что изумительная творческая атмосфера оркестра воспитала в свое время меня как дирижера. Очень важно такое родство. Вместе мы можем все. Наше призвание — быть как можно ближе к композитору, а ведь это практически значит владеть искусством перевоплощения в той же, если не большей степени, чем им владеет актер, играющий сегодня Отелло, а завтра нашего современника. Творчество — процесс познания. Стараясь проникнуть в глубины замысла Бетховена или Стравинского, мы познаем мир, его красоту, как понимали и воображали ее себе творцы музыки. Если их вдохновенное видение мира не сделаешь своим, как передашь его людям? И сколько же бывает разочарований! Вы знаете, я совершенно не могу слушать свои записи на магнитофонной ленте, всякий раз мне кажется, что здесь что-то не найдено, и там звучание совсем не то. Это, как совесть...

Слышатся долгие аплодисменты в зале. Снова большой успех. Он пришел на этот раз к ученику. Как не радоваться учителю, человеку, отдавшему жизнь музыке, тому, чтобы она, прекрасная, была всегда с нами, музыканту, признанному миром?

Но дирижер озабочен, строг. Он посматривает на часы и, видно, недоволен тем, что время так неожиданно подходит к ночи.

— Простите, но мне надо еще поработать...

Зал опустел. Гаснут люстры, и белые мраморные колонны, словно уставшие от музыки, застывают в своей вечной неподвижности, отрешаются до утра от всего живого.

Мы уходим последними. Последними? Ну нет. Вслед нам слышатся немного приглушенные звуки валторны. Видно, какой-нибудь музыкант еще не нашел чего-то, какого-то необходимого, единственно верного звучания и не может успокоиться, пока не найдет его.

Наверное, так и нужно.

За пультом — Евгений Мравинский. Звучит финал.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02105. Подписано к печати 10/XI 1965 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 2080. Заказ № 3062.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.